

INSPIRIA

МЕРЦАНИЕ ВО ТЬМЕ

Лучший триллер 2022 по версии Amazon
Самый ожидаемый триллер 2022 на Goodreads

СТЕЙСИ
УИЛЛИНГХЭМ

INSPIRIA

Ток. Национальный бестселлер. США

Стейси Уиллингхэм

Мерцание во тьме

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Уиллингхэм С.

Мерцание во тьме / С. Уиллингхэм — «Эксмо», 2021 — (Ток. Национальный бестселлер. США)

ISBN 978-5-04-174125-9

ЛУЧШИЙ ТРИЛЛЕР-2022 ПО ВЕРСИИ AMAZON. САМЫЙ ОЖИДАЕМЫЙ ТРИЛЛЕР НА GOODREADS В 2022 г. ОТЕЦ ХЛОИ ДЭВИС — СЕРИЙНЫЙ УБИЙЦА... Ей было всего двенадцать, когда папа получил шесть пожизненных за убийство шести девочек — ее подруг. Именно Хлоя нашла главные доказательства его вины. Но тела жертв так и остались лежать где-то посреди луизианских болот. ЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРЕСЛЕДУЮТ ДОЧЬ ЗЛОВЕЩЕЙ ТЕНЬЮ... Хлоя смогла по осколкам собрать свою разбитую жизнь. Теперь она уважаемый подростковый психолог и счастливая невеста. Впрочем, это не избавило ее саму от ПТСР и паранойи. Девушка все время ждет чего-то ужасного. И ТЕПЕРЬ ЕЕ СТРАХИ ВОПЛОТИЛИСЬ В РЕАЛЬНОСТЬ... Через двадцать лет после отцовских убийств кошмарные события повторяются. Пропала девочка. Потом другая — ее пациентка. Может, это безумие — искать в новых исчезновениях отголоски прошлого? Или... ЕЙ ПРЕДСТОИТ РАЗОБЛАЧИТЬ МАНЬЯКА ЕЩЕ РАЗ? «Изящный, крайне напряженный триллер с совершенно неожиданными поворотами. Вы будете читать дебют Уиллингхэм, даже понимая, что хорошо бы лечь и хоть немного поспать».

— Карин Слотер «Этот роман соединяет роскошную южную готику, проникновенное психологическое исследование, выворачивающую душу семейную трагедию, жесткий саспенс и — главное — одну из наиболее мощных детективных историй, встреченных мной за последние годы».

— А. Дж. Финн «Автор увлекает нас в напряженное путешествие в глубины психологии зла и поднимает к вершинам стойкости духа, ведя свой рассказ безукоризненным литературным языком».

— Джефффри Дивер «Не доверяйте ни одному персонажу в этом до неприличия безупречном дебютном романе. Закрученный реактивный триллер».

— Питер Свонсон «Ради этого романа вы отодвинете весь свой список чтения».

— Вэл Макдермид «Невероятно

умно и увлекательно. Развязка одновременно поразительна и убедительна». — The Washington Post «Атмосферный стиль и многочисленные ложные следы делают повествование дико напряженным. Уиллингхэм — автор, за чьим творчеством определенно стоит следить». — Publishers Weekly «Это безупречное повествование не раз вызовет волну мурашек, пока оно, то и дело неожиданно круто поворачивая, стремится к финалу, который заставит вас беспомощно хватать ртом воздух». — Daily Mail

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-174125-9

© Уиллингхэм С., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	8
Май 2019 года	9
Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	24
Июнь 2019 года	30
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	37
Глава 9	40
Глава 10	44
Глава 11	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Стейси Уиллингхэм

Мерцание во тьме

Моим родителям, Кевину и Сью Спасибо вам за все

Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя.

Фридрих Ницше

Stacy Willingham

A FLICKER IN THE DARK

Copyright © 2021 by Stacy Willingham. All rights reserved.

This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

В оформлении переплета и титула использованы иллюстрации: Fer Gregory, Elise_E / Shutterstock.com Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Кодряной П.А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

Я-то думала, что все знаю про чудовищ.

В детстве я считала, что это такие загадочные призраки, которые прячутся в шкафу за вешалками с одеждой, под кроватью, в лесной чаще. Я просто физически ощущала их у себя за спиной – как они подкрадываются все ближе, пока я иду из школы домой в сиянии заходящего солнца. Я не умела описать это чувство словами – просто каким-то образом *знала*, что они здесь. Я чувствовала их всем своим телом, чувствовала опасность – как будто кожу на плече начинает покалывать за мгновение до того, как на него опустится невидимая рука, как будто понимаешь, что неотвязная тревога вызвана парой глаз, буравящих твою спину из укрытия за ветвями разросшегося кустарника.

Но стоит лишь обернуться – и глаза вновь прячутся.

Помню, как мои худые лодыжки все норовили подвернуться на неровностях гравийной дорожки, когда я шагала – быстрее и быстрее – к своему дому, а выхлоп удаляющегося школьного автобуса таял у меня за спиной. Солнечный свет лился сквозь ветви деревьев, в лесу плясали тени, а моя собственная тень казалась огромной, словно изготовившийся к прыжку зверь.

Я начинала глубже дышать, считала про себя до десяти. Потом закрывала глаза, крепче зажималась.

И пускалась бегом.

Каждый день я неслась сломя голову сквозь этот безлюдный участок подъездной дорожки, а дом, которому следовало уже быть на расстоянии вытянутой руки, казалось, лишь отдалялся. Из-под кроссовок летели камешки, пыль и клочья травы, а я все пыталась опередить... что-то. То, что здесь за мной *наблюдало*. То, что ждало. Ждало меня. Путаясь в собственных шнурках, я карабкалась на крыльцо – и с размаху влетала в тепло распахнутых навстречу рук отца, чувствовала над ухом его горячее дыхание, слышала шепот: «Вот и попала, вот и попала!» Его пальцы легонько дергали меня за волосы, а в груди саднило от избытка воздуха. Сердце бешено колотилось изнутри о грудную клетку, и в сознании возникло одно-единственное слово: *безопасность*.

Во всяком случае, так мне тогда казалось.

Вообще-то, страху положено учиться медленно и постепенно: от Санта-Клауса в торговом центре – к монстру у тебя под кроватью; от ужастика, который тебе позволили посмотреть в детстве, – к мужчине в машине у бордюра, с включенным мотором и тонированными стеклами, всего на одну лишнюю секунду задержавшему на тебе взгляд, когда ты идешь мимо в наступающих сумерках. Боковым зрением ты видишь, как машина медленно трогается, и чувствуешь, как колотится сердце, – чувствуешь не только грудью, но и шеей, и внутренностью черепа. Обучение как процесс, от одной ощущаемой угрозы к другой, и каждая последующая *штука* реально опасней предыдущей.

Со мной было не так. На меня понимание страха обрушилось с такой силой, какую мне, подростку, до сих пор испытывать не доводилось. С такой удушливой тяжестью, что и вздохнуть-то больно. В этот самый миг, когда все рухнуло, я и поняла – чудовища не прячутся в лесу, это не тени среди деревьев и не невидимки, притаившиеся в темных углах.

Настоящие чудовища никогда не скрываются.

Мне было двенадцать, когда тени начали обретать форму, черты лица. Когда призрак сделался плотней. Реальней. Когда я стала понимать, что чудовища, может статься, живут среди нас.

И среди них – монстр, которого я научилась бояться больше всех остальных.

Май 2019 года

Глава 1

Горло першит.

Поначалу – совсем чуть-чуть. Словно по глотке изнутри провели снизу вверх тонким перышком. Я пытаюсь просунуть язык себе в горло, чтобы унять зуд.

Ничего не выходит.

Надеюсь, я не простыла. Не было ли в последнее время поблизости кого-нибудь больного? Заразного? Если честно, кто знает. Я целый день рядом с людьми. На вид все вроде были здоровы, но простуда может оказаться заразной и до появления симптомов.

Еще разок пытаюсь дотянуться языком.

Или аллергия. Пыльцы сейчас в воздухе больше обычного. Вернее, значительно больше. Восемь баллов из десяти по аллергенной шкале. Индикатор в приложении у меня на телефоне – ярко-красный.

Я беру стакан с водой, отпиваю немного. Стараюсь ополоснуть горло, прежде чем проглотить.

Тоже не помогло. Я откашливаюсь.

– Что?

Перевожу взгляд на пациентку, полулежащую передо мной на огромной кожаной кушетке в напряженной, словно деревяшка, позе. Пальцами вцепилась в колени, яркие тонкие порезы на идеально чистой коже ладоней сейчас почти незаметны. На запястье я вижу браслет – попытку скрыть самый глубокий из шрамов, кривой, багровый. Деревянные бусины и серебряная подвеска в форме крестика. Болтаются словно четки.

Я снова смотрю на девочку, чтобы оценить выражение ее лица, глаз. Слез пока нет, для них рановато.

– Прости меня, – я сверяюсь с записями перед собой, – Лэйси. Просто в горле немного запершило. Продолжай, пожалуйста.

– Ничего, – говорит она. – Короче, я тут объясняла... я иногда дико бешусь, понимаете? И даже сама не знаю почему. Просто злость эта внутри все растет и растет, я еще сама ничего не понимаю, но уже охота...

Лэйси опускает глаза вниз, на руки, водит по ним растопыренными ладонями. Кожа предплечий под ее пальцами вся покрыта мельчайшими порезами, похожими на стеклянистые волоски.

– Это чтобы отпустило, – говорит она. – Успокоиться помогает.

Я киваю, стараясь не обращать внимания на зуд в горле. Который усиливается. «Или это пыль, – говорю я себе, – здесь очень пыльно». Кидаю взгляд на подоконник, на шкаф с книгами, на дипломы в рамках на стене – все покрыто тонким серым налетом, чуть поблескивающим в солнечном свете.

Хлоя, сосредоточься.

Снова поворачиваюсь к девочке.

– И отчего это, Лэйси, как ты думаешь?

– Я ж сказала уже! Сама не знаю.

– Ну, если чисто умозрительно.

Она вздыхает, отводит взгляд и старательно смотрит на что-то несуществующее. Избегая встречаться со мной глазами. Теперь уже вот-вот заплачет.

– Ну, короче, наверное, из-за папы. – Отбрасывает со лба прядь светлых волос; ее нижняя губа чуть дрожит. – Что он от нас ушел и все такое.

– Когда папа от вас ушел?

– Два года назад, – отвечает Лэйси. В уголке глаза вдруг возникает словно бы того и ожидавшая слезинка, скатывается по веснушчатой щеке. Она сердито ее смахивает. – Даже не попрощался. Даже ни хера *ничегошеньки* не объяснил! Свалил, и все.

Я киваю, быстро записывая.

– Как ты думаешь, правильно будет сказать, что ты все еще злишься на папу, потому что он вот так вас бросил?

Ее губа снова начинает дрожать.

– А поскольку он не попрощался, у тебя даже не было возможности объяснить ему, *что* ты из-за этого чувствуешь?

Она кивает шкафу в углу, по-прежнему избегая моего взгляда.

– Да. Пожалуй, что правильно.

– А еще ты на кого-нибудь злишься?

– На маму, наверное. Не знаю почему. Я всегда думала, что это он из-за нее ушел.

– Хорошо, – говорю я. – А еще на кого?

Какое-то время Лэйси молчит, ковыряя ногтем складку кожи.

– На себя, – наконец шепчет она, уже не обращая внимания на застилающие глаза слезы. – Что я была слишком плохая, чтобы он захотел остаться.

– Всем нам случается разозлиться, – говорю я. – Теперь, когда у тебя получилось произнести вслух, на что ты злишься, мы можем поработать над тем, чтобы ты лучше справлялась со своим гневом. Справлялась с ним так, чтобы себе не вредить. Как тебе такой план?

– Херня все это дурацкая, – бормочет она.

– Что именно?

– Все. И он, и вот это. Что я здесь.

– Лэйси, что дурацкого в том, что ты здесь?

– Потому что мне *пришлось*!

Девочка уже кричит. Я спокойно откидываюсь на спинку кресла и переплетаю пальцы. Пусть выкричится.

– Да, я злюсь, – произносит она. – И что теперь? Папа от меня на хер ушел. Он меня *бросил*. Вы хоть понимаете, что это такое? Знаете, каково это – без отца жить? Когда в школе все на тебя таращатся? И за спиной еще шушукуются!

– Так получилось, что знаю, – отвечаю я. – Знаю, каково это. Приятного тут мало.

Лэйси умолкает, сложенные на коленях руки дрожат, подушечки большого и указательного пальцев теребят крестик на браслете. Вверх-вниз, вверх-вниз.

– От вас тоже отец ушел?

– Вроде того.

– Сколько вам было лет?

– Двенадцать, – отвечаю я.

Она кивает.

– А мне – пятнадцать.

– Пятнадцать было моему брату.

– То есть вы понимаете?

Теперь я киваю и улыбаюсь. Установить доверие – это самое сложное.

– Понимаю, – отвечаю я и снова подаюсь вперед, сокращая между нами дистанцию. Лэйси наконец поворачивается ко мне, впивается в меня полным слез, умоляющим взглядом. – Еще как понимаю...

Глава 2

В нашей профессии все основано на клише. И неспроста.

Дело в том, что они справедливы.

Когда пятнадцатилетняя девочка тянется бритвой к собственной коже, дело, вероятно, в том, что она чувствует себя неполноценной, и физическая боль ей нужна, чтобы унять резь от жгущих ее изнутри эмоций. За восемнадцатилетним парнем, в гневе не способным себя контролировать, наверняка кроется спор об опеке между родителями, чувство покинутости, необходимость самоутвердиться. От двадцатилетней третьекурсницы, которая имеет привычку в пьяном виде лезть в койку к любому, кто готов потратить ради нее пару долларов на водку с тоником, а потом рыдает по утрам, прямо-таки несет низкой самооценкой и потребностью во внимании, за которое дома ей приходилось сражаться; внутренним конфликтом между тем, какова она есть, и тем, чего, по ее мнению, от нее ждут окружающие.

Отец не любил. Синдром единственного ребенка. Дитя развода.

Все это клише, и каждое справедливо. Я имею полное право так говорить, потому что я и сама – клише.

На экране моих «умных» часов мигает хронометраж записи сегодняшней сессии: 1:01:52. Жму «Отправить на смартфон» и наблюдаю, как маленький таймер из серого делается зеленым, пока файл перекачивается на телефон, одновременно синхронизируясь с ноутбуком. *Технология.* Из детства мне помнится, как каждый из докторов брал в руки мою историю болезни и принимался ее листать, пока я сидела на похожих одна на другую истертых кушетках и разглядывала картотеки, битком набитые чужими проблемами. Полные таких же людей, как и я сама. Каким-то образом это помогало чувствовать себя не такой одинокой, почти нормальной. Металлические ящики на четыре отсека символизировали возможность того, что и мне однажды удастся выразить свою боль – описать ее словами, криком, рыданиями, – а потом, когда заведенный на час таймер дотикает обратно до нуля, мы попросту закроем папочку, вернем ее на нужную полку, запрем там на ключ и забудем про ее содержимое до следующего сеанса.

Пять часов. Пора закрываться.

Я смотрю на экран, на чащобу иконок, в которые превратились мои пациенты. Вообще-то, *закраться* мне невозможно. Они постоянно изыскивали способ меня найти – по имейлу, через соцсети, – во всяком случае, до тех пор, пока я не махнула рукой и не поудаляла отовсюду свои профили, когда мне вконец надоело копаться в панических личных сообщениях от клиентов, которых опять прихватило. Я всегда работаю, всегда наготове, как круглосуточный магазинчик, мигающий во мраке неоновой вывеской «Открыто» в отчаянных попытках выжить.

На экране выскакивает сообщение о загруженной записи. Я кликаю на него, даю файлу название «Лэйси Деклер, сессия 1», потом отрываю взгляд от компьютера и шурюсь на пыльный подоконник – в свете заходящего солнца окружающая меня грязь еще заметней. Снова прокашливаюсь, несколько раз подряд. Наклоняюсь, берусь за деревянную ручку, выдергиваю наружу нижний ящик письменного стола и начинаю копаться в персональной офисной аптечке. Разглядываю баночки с таблетками, от банального ибупрофена до рецептурных средств с названиями попричудливей: алпразолам, элениум, диазепам. Отпихнув их в сторону, достаю коробку растворимого витамина С, высыпаю содержимое одного пакетика в стакан с водой, размешиваю пальцем. Делаю несколько глотков и начинаю писать имейл.

Шэннон,

поздравляю с окончанием рабочей недели! Только что провела отличную первую сессию с Лэйси Деклер – спасибо, что направила ее ко мне. Хотела

уточнить насчет лекарств. Насколько я вижу, ты ничего ей не выписала. Исходя из сегодняшней сессии, думаю, ей пошел бы на пользу небольшой курс «Прозака». Как по-твоему? Противопоказания?
Хлоя

Нажимаю «Отправить» и, откинувшись в кресле, допиваю свою жидкость со вкусом мандарина. Остаток порошка на дне стакана течет медленно, словно клей, мои зубы и язык покрываются шершавым оранжевым налетом. Ответ приходит через несколько минут.

Хлоя,
не стоит благодарности. Я не возражаю. Можешь сама выписать.
PS Как насчет встретиться вскорости, промочить горло? Расскажешь
мне поподробней о близящемся СОБЫТИИ!
Доктор Шэннон Тэк

Я поднимаю трубку офисного телефона, набираю номер аптеки, упомянутой Лэйси – я и сама ею пользуюсь, это очень кстати, – и попадаю напрямую на автоответчик. Записываю сообщение.

– Алло, это доктор Хлоя Дэвис, – диктую имя и фамилию по буквам. – Я звоню, чтобы выписать рецепт для Лэйси Деклер, – снова диктую по буквам, – дата рождения шестнадцатое января две тысячи четвертого года. Я рекомендую пациентке начать курс «Прозака», десять миллиграммов в день в течение восьми недель. Продлевать не нужно. Спасибо.

Делаю паузу, барабаню пальцами по столу.

– Я также хотела бы продлить рецепт другому пациенту, Патрику Бриггсу, – по буквам, – дата рождения второе мая тысяча девятьсот восемьдесят второго года. «Ксанакс», четыре миллиграмма в день. Повторяю, доктор Хлоя Дэвис. – Диктую номер своего телефона. – Благодарю вас.

Кладу трубку и смотрю на нее, неподвижно лежащую на телефонном аппарате. Взгляд непроизвольно дергается к окну – заходящее солнце окрасило мебель из красного дерева в моем кабинете в оранжевый оттенок, цветом не слишком отличающийся от клейкого осадка, что засыхает на дне стакана. Смотрю на часы – семь тридцать, – закрываю свой ноутбук и подпрыгиваю на месте, когда телефон с пронзительным звуком пробуждается к жизни. Бросаю взгляд в его сторону, но офис уже закрыт, и сегодня пятница. Я продолжаю собираться, игнорируя трезвон, и тут соображаю – может быть, мне перезванивают из аптеки, чтобы что-то уточнить. После очередного звонка я все же беру трубку.

– Доктор Дэвис, – говорю я.

– Хлоя Дэвис?

– Доктор Хлоя Дэвис, – уточняю я. – Чем могу помочь?

– Однако к вам так просто не дозвонишься!

Голос принадлежит мужчине, и он сердито усмехается, словно я его чем-то обидела.

– Прошу прощения, вы – пациент?

– Я не пациент, – отвечает голос, – но я вам целый день звоню. *Целый* день. Ваша регистраторша отказывалась перевести на вас звонок; дай, думаю, попробую вечером, может, на автоответчике сообщение оставлю... Не ждал, что вы трубку возьмете.

Я морщу лоб.

– Видите ли, это мой офис. На личные звонки я в рабочее время не отвечаю. У Мелиссы инструкция переключать на меня только пациентов... – Тут я замолкаю, не понимая, с чего это решила распинаться перед незнакомцем и излагать ему распорядок собственной практики. Добавляю своему голосу немного жесткости. – Могу я узнать, с кем разговариваю? Кто вы такой?

– Меня зовут Аарон Дженсен. Я – журналист из «Нью-Йорк таймс».

У меня перехватывает дыхание. Я поспешно кашляю, хотя звук, наверное, такой, будто я подавилась.

– Вы там в порядке? – спрашивает он.

– Да, – отвечаю я, – просто в горле немного першит. Прошу прощения, вы сказали, «Нью-Йорк таймс»?

Стоит вопросу вырваться, и я уже готова себя возненавидеть. Знаю я, что ему нужно. Сказать по правде, я этого ожидала. Чего-то подобного. Не обязательно «Таймс», но чего-то в этом духе.

– Вы меня поняли? – неуверенно переспрашивает он. – Я из газеты.

– Да, я знаю, что это такое.

– Я пишу очерк о вашем отце и хотел бы с вами побеседовать. Как насчет кофе?

– Прошу прощения, – повторяю я, чтобы он замолчал. *Мать вашу!* Что ж я все время извиняюсь-то? Делаю глубокий вдох, прежде чем продолжить: – Мне не о чем с вами разговаривать.

– Хлоя...

– Доктор Дэвис!

– *Доктор Дэвис*, – повторяет он со вздохом. – Близится годовщина. Двадцать лет. Уверен, вы и сами знаете.

– Само собой, знаю, – резко отвечаю я. – Прошло двадцать лет, и ничего за это время не изменилось. Девочки по-прежнему мертвы, отец по-прежнему в тюрьме. Что вам всякий раз нужно-то?

Аарон на другом конце провода молчит; я понимаю, что и так уже слишком много ему сказала. Удовлетворила болезненную журналистскую страсть вскрывать чужие раны ровно тогда, когда они готовы зажить. Удовлетворила достаточно, чтобы он ощутил на языке металлический привкус и захотел еще, подобно акуле, которую манит запах крови.

– Но вы-то изменились. Вы и ваш брат. Читатели будут рады узнать, как у вас дела – как вы справились.

Я закатываю глаза к потолку.

– А ваш отец? – продолжает Дженсен. – Может статься, он тоже изменился... Вы не пробовали с ним поговорить?

– Мне не о чем разговаривать с отцом, – отвечаю я. – И с вами. Прошу больше мне не звонить.

Я заканчиваю разговор, бросив трубку на рычаги – резче, чем намеревалась. Опускаю взгляд и вижу, что у меня дрожат пальцы. Поправляю прическу, чтобы чем-то их занять, и гляжу в окно. Небо сделалось темным, чернильно-синим, а солнце – пузырьком на самом горизонте, готовым вот-вот лопнуть.

Я снова поворачиваюсь к столу, хватаю сумку и встаю, оттолкнув кресло. Бросаю последний взгляд на настольную лампу, медленно выдыхаю, потом выключаю ее и неуверенно двигаюсь сквозь мрак.

Глава 3

Незаметных для постороннего взгляда приемов защиты, которыми мы, женщины, подсознательно пользуемся на протяжении дня, превеликое множество. Защиты от призраков, от затаившихся хищников. О которых повествуют назидательные истории и городские легенды. Сказать по правде, эти способы незаметны настолько, что мы сами их почти не осознаем.

Уходи с работы прежде чем стемнеет. Одной рукой прижимай к груди сумочку, а в другой держи наготове ключи, зажав их между пальцами, словно оружие, – и осторожно подходи к машине, стратегически припаркованной прямо под фонарем ровно на тот самый случай, если закончить работу засветло все же не получится. Оказавшись рядом с машиной, сперва проверь заднее сиденье, а потом уже отпирай дверь. Возьми в руку телефон, держи его крепче и так, чтобы указательным пальцем можно было сразу задействовать быстрый набор 911. Сядь в машину и сразу запри двери. Заведя мотор, не стой на месте, немедленно отъезжай.

Выехав с парковки рядом со зданием, где у меня офис, я сворачиваю в направлении от центра. Остановившись на светофоре, бросаю взгляд – надо полагать, по привычке – на зеркало заднего вида и морщусь, увидев в нем свое отражение. На улице духота, да такая сильная, что кожа покрылась тусклой пленкой; мои каштановые волосы, в обычное время прямые, сейчас слегка выются на кончиках; в подобный беспорядок их может привести только лето Луизианы.

Лето Луизианы...

Как много для меня всего в этой фразе! Я здесь родилась. Ну, не то чтобы *именно* здесь, не в Батон-Руже. Но все-таки в Луизиане. В крошечном городке Бро-Бридж – мировой столице раков. Отчего-то мы этим званием очень гордимся. Примерно как Кокер-Сити в Канзасе гордится своим веревочным клубком в две с половиной тонны весом. Подобные вещи придают совершенно бессмысленному месту хоть какое-то значение.

А еще в Бро-Бридже меньше десяти тысяч населения; иными словами, там все друг друга знают. Или, если конкретней, там любой знает меня.

В детстве я всякий раз дожидаться не могла, когда же придет лето. Сколько у меня воспоминаний о жизни на болотах! Вот я высматриваю аллигаторов на озере Мартин и громко кричу, заметив под ковром из водорослей пару маленьких жадных глазок. Мой брат хохочет надо мной, и мы кидаемся врассыпную с воплями: «До свиданья, аллигатор!»¹. Вот я делаю себе парик из испанского мха, которым густо заросли деревья на обширных задворках нашего дома, а потом несколько дней вычесываю из головы клещей-кожеедов и капаю на красные опухшие укусы бесцветным лаком для ногтей, чтобы не так чесалось. Вот откручиваю свежесваренному раку хвост, чтобы сразу досуха высосать голову.

Только за воспоминаниями о лете следуют и воспоминания об ужасе.

Когда начали пропадать девочки, мне исполнилось двенадцать. Девочки были немногим старше меня самой. На дворе стоял июль 1999 года, и луизианское лето обещало быть жарким и влажным.

А потом все в одночасье переменялось.

Помню, как в то утро я забрела на кухню. Было еще рано; я терла заспанные глаза, волоча за собой по линолеуму мятно-зеленое покрывало. Я под ним чуть ли не с младенчества спала, а что края обтрепались, мне даже нравилось. Помню, как стала дергать пальцами ткань, вроде нервного тика, когда увидела перед телевизором обеспокоенных родителей. Они о чем-то шептались.

– Что случилось?

¹ Обыгрывается название культового хита в жанре рок-н-ролл – «See You Later Alligator» в исполнении Билла Хейли.

Родители обернулись ко мне, вытаращив глаза от неожиданности, но все же успели выключить телевизор, прежде чем я успела увидеть то, что на экране.

Ну, то есть они так подумали.

– Радость моя, – сказал мне отец, шагнув мне навстречу и обняв – крепче, чем обычно. – Все в порядке.

Только ничего не было в порядке. Это я сразу почувствовала. По тому, как отец меня обнимал, по тому, как у мамы, когда она отвернулась к окну, дрожала губа – точно так же, как дрожала сегодня губа у Лэйси, когда она заставила себя осознать то, что и так знала с самого начала. Осознать то, что она стремилась отпихнуть от себя подальше, делая вид, будто все это неправда. Я успела заметить ярко-красный новостной заголовок внизу экрана, и он уже навеки впечатался в психику – набор слов, разом изменивший всю мою жизнь.

ПРОПАЛА ДЕВОЧКА ИЗ БРО-БРИДЖЕ

Когда тебе двенадцать, ты еще не видишь в словах *ПРОПАЛА ДЕВОЧКА* зловещий смысл, столь очевидный старшим. Сознание не рисует автоматически жуткие картины: похищение, насилие, убийство. Помнится, я еще подумала: а *где* она пропала? Наш дом стоял на участке в добрых десять акров; мне и самой не раз доводилось там теряться, когда я охотилась в болоте на жаб или обследовала пока еще не знакомые заросли, выцарапывала собственное имя на коре ничем не примечательного дерева, сооружала крепости из поросших влажным мхом веток. Как-то раз даже умудрилась застрять в небольшой пещере – норе какого-то животного; ведущий туда чуть приподнятый над землей лаз выглядел одновременно пугающе и заманчиво. Брат привязал мне к ноге кусок старой веревки, я легла на живот и принялась, извиваясь, заползать в холодную, темную пустоту, крепко зажав зубами цепочку карманного фонарика. Я ползла все глубже и глубже, позволив тьме поглотить себя целиком, – и помню, какой чудовищный ужас меня охватил, когда я поняла, что выбраться самостоятельно уже не смогу. Так что, увидев кадры, на которых поисковые группы продирались сквозь густую листву или шлепали по болоту, я никак не могла отделаться от мысли – а что будет, если я когда-нибудь «пропаду» сама, если меня станут искать так же, как сейчас ищут ее.

«Она найдется, – думала я. – А когда это случится, ну и душой же она себя почувствует, узнав, какая поднялась суматоха...»

Только она не нашлась. А три недели спустя пропала другая девочка.

Через четыре недели – еще одна.

К концу лета исчезли шесть девочек. Сегодня здесь, а завтра уже нет. Пропали без следа.

И одна-то пропавшая девочка – слишком много, а шестеро, да еще в Бро-Бридж – в крошечном городке, где, стоит одному ребенку бросить школу, в классе делается непривычно пусто, а стоит переехать семье, на улице становится очень тихо, – оказались тяжестью почти невыносимой. Не обращать внимания на их отсутствие было невозможно; в небесах над городом словно нависло зло, подобно надвигающейся буре, от которой все внутри леденеет. Это зло ты чувствовала кожей, ощущала на языке, видела в глазах любого встречного. Город, где все доверяли друг другу, оказался в плену неодолимого недоверия, подозрительность укоренилась так прочно, что не избавишься. Все задавались одним и тем же молчаливым вопросом.

Кто следующая?

Был объявлен комендантский час, с наступлением темноты закрывались все магазины и рестораны. Мне, как и всем девочкам в городе, запретили выходить на улицу после захода солнца. Да я и днем-то чувствовала, что зло может скрываться за любым углом. Предчувствие, что это буду я – что я *следующая*, – оставалось со мной всегда, постоянное, удушливое.

– Не переживай, Хлоя! Тебе бояться нечего.

Мой брат закинул на плечо рюкзак – рано утром, собираясь в летний лагерь. А я опять плакала, мне из дому-то выйти страшно было.

– Ей есть чего бояться, Купер. Все очень серьезно.

– Она еще слишком маленькая, – ответил он. – Двенадцать всего. Он-то, если не забыла, старшеклассниц предпочитает.

– Купер, ради бога!

Мама присела на корточки со мной рядом, чтобы наши глаза оказались на одном уровне, поправила мне непослушную прядь волос.

– Все очень серьезно, моя хорошая, но ты просто будь осторожна. И внимательна.

– Не садись в машину к незнакомцам, – вздохнул Купер. – Не гуляй в одиночку по темным переулкам. Все очень просто, Хло. Главное, не будь душой.

– Те девочки не были дурами, – отрезала мама негромко. – Им не повезло. Оказались в неподходящем месте в неподходящее время.

...Я сворачиваю на парковку аптеки и подъезжаю к окошку обслуживания для автомобилей. Человек за стеклом занят расфасовкой разнообразных пузырьков по бумажным пакетам. Он открывает окошко, даже не потрудившись поднять взгляд.

– Имя?

– Патрик Бриггс.

Он все же поднимает глаза, поскольку я явно не Патрик. Нажимает на компьютере перед собой несколько клавиш.

– Дата рождения?

– Второе мая, тысяча девятьсот восемьдесят второй.

Развернувшись, сотрудник аптеки принимается шарить в корзине с literой «Б». Я внимательно слежу за тем, как он достает оттуда пакет и снова идет ко мне, и крепко сжимаю руль, чтобы не выдать беспокойства движениями пальцев. Он наводит сканер на штрихкод, я слышу писк.

– Как принимать лекарство, вам известно?

– Вполне. – Я улыбаюсь ему. – Вопросов нет.

Он проталкивает пакет из своего окошка в окно машины; я его ловлю, запикиваю поглубже в сумочку, снова поднимаю стекло и отъезжаю, даже не сказав «спасибо».

Следующие несколько минут я просто веду машину, а сумочка на пассажирском сиденье словно бы светится – внутри таблетки. В свое время меня поражало, насколько легко получить лекарства за другого человека: если можешь назвать его дату рождения, записанную в базе данных аптеки, большинство фармацевтов даже и не попросят тебя предъявить никакой документ. А если кто и попросит, чаще всего удовлетворится несложным объяснением. «Вот черт, права в другой сумочке остались... Я – его невеста, могу и адрес назвать, хотите проверить по базе?»

Сворачиваю на Гарденс, в сторону своего жилого района, и начинается двухкилометровый участок дороги, где я всякий раз теряю ориентацию. Так, наверное, чувствуют себя аквалангисты, оказавшись в абсолютной тьме, в темноте настолько темной, что и собственную ладонь в нескольких сантиметрах от лица не разглядеть.

Никакого чувства направления. Никакого чувства контроля.

По всей дороге – ни единого дома, который мог бы ее подсветить, ни единого фонаря, способного проявить кривые лапы выстроившихся вдоль обочины деревьев. После захода солнца – полная иллюзия того, что ты едешь напрямик в чернильное море, исчезаешь в безграничном небытии, валишься в бездонный колодец.

Я задерживаю дыхание и чуть сильнее давя на педаль газа. Наконец чувствую, что приближается мой съезд. Включаю поворотник – пусть даже сзади никого, только такая же чернота – и резко сворачиваю направо в наш тупичок. Миновав первые фонари, освещающие ведущую к дому дорогу, наконец перевожу дыхание.

К дому.

В этой фразе тоже много всего. Дом – это не просто здание, не кирпичи и доски, соединенные цементом и гвоздями. А нечто более эмоциональное. Дом – это надежность и безопасность. Это место, куда ты торопишься, когда часы пробьют девять и начнется комендантский час.

Вот только что, если твой дом не безопасен? Не надежен? Что, если распахнутые тебе навстречу руки, в которые ты падаешь, добежав до крыльца, и есть те самые руки, от которых нужно удирать со всех ног? Те самые руки, которые хватали тех девочек, сдавливали им горло, зарывали тела – а потом аккуратно мылись с мылом?

Что, если у тебя в доме все и началось? Если это эпицентр землетрясения, сотрясшего город до самого основания? Глаз урагана, разметавшего семейства, жизни, тебя саму? Все, что ты знала прежде?

Что тогда?

Глава 4

Машина с работающим двигателем стоит на подъездной дорожке, а я копаюсь в сумочке, пока не нахожу бумажный пакет. Разорвав его, достаю оранжевый пузырек, свинчиваю крышку и вытряхиваю на ладонь таблетку, а пакет сминаю и вместе с пузырьком запикиваю в бардачок.

Гляжу на «Ксанакс» у себя в ладони, внимательно изучая белую таблетку. И тут вспоминаю про телефонный звонок в офисе. Аарон Дженсен. *Двадцать лет*. При этом воспоминании в груди у меня все сжимается, и я быстро, пока не передумала, закидываю таблетку в рот и насухо проглатываю. Потом выдыхаю, закрываю глаза. И сразу же чувствую, как сжавшая грудь тяжесть начинает спадать, как расширяются дыхательные пути. На меня нисходит спокойствие, то самое чувство покоя, что я испытываю всякий раз, когда на языке оказывается таблетка. Не знаю, как описать это чувство, разве что как простейшее и чистейшее облегчение. Подобное тому облегчению, которое испытываешь, распахнув дверцу шкафа и убедившись, что за ней никто не прячется, – когда бешеное сердцебиение утихает, когда мозг наполняет головокружительная эйфория, ведь ты знаешь, что бояться нечего. Что никто не выскочит на тебя из тени.

Я открываю глаза.

Когда выхожу из машины, захлопнув дверь и для верности два раза нажав запирающую кнопку на брелоке, то замечаю, что в воздухе чуть пахнет специями. Я задираю нос к небесам и принимаюсь. Кажется, это морепродукты. Или рыба. Похоже, соседи затеяли барбекю, и я на мгновение чувствую обиду, поскольку меня-то не пригласили.

Начинаю долгий путь к своей двери по булыжнику дорожки, а темная громада здания маячит впереди. На полдороге останавливаюсь и смотрю на дом. Когда я купила его несколько лет назад, именно это он собой и представлял. Здание. Оболочка, ждущая, чтобы в нее, как в спущенный воздушный шарик, вдохнули жизнь. Сооружение, готовое сделаться домом, возбужденное и исполненное предвкушений, как первоклассник в свое первое школьное утро. Вот только я понятия не имела, как сделать его домом. Единственный дом, что я до сей поры знала, вряд ли заслуживал этого имени – во всяком случае, не после всего, что случилось. Помню, как я впервые вошла сюда, сжимая в кулаке ключ. Стук каблуков по деревянному полу отдавался эхом в обширном пустом пространстве, голые беленые стены были испещрены следами от гвоздей там, где висели фотографии в рамках – подтверждая, что подобное вообще возможно; что здесь можно обрести новые воспоминания, начать новую жизнь. Я раскрыла свой комплект инструментов, небольшой красный ящичек, который купил мне Купер – мы вместе шли по огромному хозяйственному магазину, и я с разинутым ртом наблюдала, как он небрежно складывает туда гаечные ключи, молотки и плоскогубцы, словно наполняет пакет в кондитерской лавке кисло-сладкими леденцами, что продаются на вес. Вешать мне было нечего – ни фото, ни картин, – так что я попросту вбила в стену один-единственный гвоздь и повесила на него кольцо с ключом. С одним-единственным ключом. Главное – начать.

Сейчас у меня перед глазами все то, что я с тех пор успела сделать, чтобы хотя бы снаружи казалось, будто у меня мозги не набекрень – чисто внешне; все равно что нанести макияж поверх застарелого синяка или нацепить четки на изуродованное запястье. Понятия не имею, с чего меня вообще озаботило мнение соседей, время от времени проскальзывающих мимо с собачьим поводком в кулаке. Прикрученное к навесу над входом подвесное сиденье вечно покрыто маслянистым слоем желтой пыли; никаких шансов сделать вид, что им кто-нибудь когда-нибудь пользовался. Растения, что я с таким рвением покупала и высаживала, напрочь вымерли от неухода; иссохшие коричневые шупальца двух папоротников напоминают сейчас полупереваренные косточки какого-то животного – я обнаружила такие, когда вскрывала сову на уроке биологии в восьмом классе. Колючий коричневый коврик у двери с банальным «Добро пожаловать!». К двери прикручен бронзовый почтовый ящик в форме огромного конверта.

Пользы от него никакой – щель такая узкая, что даже руку не просунуть; если что внутрь и пролезает, то разве что пара открыток от бывших однокурсников, ныне, когда их многообещающие дипломы не сумели сдержать означенных обещаний, ушедших в агенты по недвижимости.

Я снова двигаюсь вперед, пообещав себе, что выкину дурацкий бронзовый конверт и поставлю себе обычный, как у всех, ящик для почты. И в тот же миг осознаю, что мой дом выглядит мертвым. Это единственное здание во всем квартале, где не светятся окна, где за опущенными жалюзи не мигает телевизор. Единственный дом, не подающий признаков жизни.

Подхожу ближе; «Ксанакс» тем временем обволакивает мои мысли принудительным покоем. И все же что-то продолжает меня грызть. Что-то не в порядке. Что-то *не так*. Обвожу взглядом дворик – маленький, но ухоженный. Лужайка подстрижена, забор из некрашеного дерева укрыт кустарником, корявые ветви дуба отбрасывают тень на гараж, которым я ни разу не пользовалась. Снова перевожу взгляд на дом, до него мне буквально пара шагов. Кажется, внутри, за занавеской, что-то шевельнулось, но я трясую головой и заставляю себя двигаться дальше.

Давай-ка без глупостей, Хлоя. Вернись на землю.

Уже вставив ключ в замок и провернув его, я понимаю, что именно не так.

Над входом не горит свет.

Свет над входом, который горит всегда, вообще всегда – даже когда я ложусь спать, хотя пробивающийся сквозь щель в жалюзи луч падает мне прямо на подушку, – сейчас выключен. Я никогда его не гасила. И до выключателя-то ни разу не дотронулась. Теперь я понимаю, почему дом кажется столь лишенным жизни. Никогда не видела его таким темным, без единого проблеска света. Пусть на улице и горят фонари, здесь крошечный *мрак*. Подойди кто-то ко мне со спины, и я даже...

– СЮРПРИЗ!

Издав дикий вопль, я лихорадочно сую руку в сумочку, надеясь нащупать перцовый баллончик. Внутри зажигается свет, и я вижу, что моя гостиная полна людей – человек тридцать, если не сорок; все они смотрят на меня и улыбаются. Сердце с грохотом колотится в груди, я и говорить-то еле могу.

– О боже...

Запнувшись, обвожу взглядом вокруг себя. Надеюсь найти какую-то причину, объяснение. И ничего не нахожу.

– О боже ты мой...

Я вдруг осознаю – рука моя внутри сумочки и сжимает перцовый баллончик с такой силой, что я даже вздрагиваю. Когда выпускаю баллончик, по всему телу пробегает волна облегчения; я вытираю вспотевшую ладонь о подкладку сумочки.

– Это что... это что такое?

– А как, по-твоему? – восклицает кто-то слева от меня, я поворачиваюсь туда и вижу, как сквозь расступившуюся толпу мне навстречу выходит мужчина. – Вечеринка, конечно!

Это Патрик, на нем темные линялые джинсы и синий облегающий пиджак. Он ослепительно мне улыбается, зубы на фоне загара сверкают, песочного цвета волосы откинута набок. Сердцебиение потихоньку утихает; отняв от груди ладонь, я прижимаю ее к щеке и чувствую, что она горит. Мне удастся выдавить смущенную улыбку, а Патрик протягивает мне бокал вина, который я беру свободной рукой.

– Вечеринка в нашу с тобой честь, – продолжает он, сжимая меня в объятиях. Я чувствую запах его мыла, его пряного дезодоранта. – В честь нашего обручения.

– Патрик... Что ты здесь делаешь?

– В некотором смысле – живу.

По толпе прокатывается смех, Патрик улыбается и берет меня под руку.

– Ты ж в отъезде должен быть, – бормочу я. – Только завтра возвращаешься.

– А, вот ты о чем... Ну, я тебя обманул, – говорит он, вызвав еще одну волну смеха. – Зато и удивил, наверное?

Я обвожу взглядом море людей, которые, похоже, начинают нервничать. Все смотрят на меня в ожидании. Интересно, громко я заорала?

– А что, по голосу незаметно было?

Я скидываю вверх обе руки, и толпа разражается облегченным хохотом. Кто-то в задних рядах кричит «ура!», остальные подхватывают, раздаются свист и аплодисменты, а Патрик снова крепко обнимает меня и целует в губы.

– Дайте им место! – кричит кто-то.

Все снова хохочут и начинают разбредаться по дому, наполнять опустевшие бокалы, болтать между собой, накладывая еду на картонные тарелки. Теперь я наконец понимаю, что за запах почувствовала снаружи – это приправа для раков! В просвете дверей я замечаю на заднем дворе целый стол исходящих паром кастрюль с раками и с внезапным стыдом вспоминаю свою обиду за то, что не получила приглашения на соседскую вечеринку, которую сама же себе и вообразила.

Патрик с ухмылкой смотрит на меня, еле сдерживая смех. Я луплю его кулаком в плечо.

– Скотина, – говорю ему, хотя тоже уже улыбаюсь. – Меня от страха чуть удар не хватил.

Он наконец разражается хохотом, звучным, громоподобным, тем, который так привлек меня двенадцать месяцев тому назад и все еще не утратил надо мной своей власти. Я притягиваю Патрика к себе и снова целую, теперь уже как следует, поскольку друзья за нами не наблюдают. Чувствую тепло его языка у себя во рту и наслаждаюсь тем, как его присутствие рядом успокаивает меня в чисто физическом смысле. Сердцебиение замедляется, и дыхание тоже, прямо как от «Ксанакса».

– Ты не оставила мне выбора, – говорит он наконец, пригубляя вино. – Пришлось все сделать по-своему.

– Пришлось, говоришь? – уточняю я. – А почему вдруг?

– Да потому что ты наотрез отказываешься что-то для себя организовать. Ни девичника, ни даже просто гулянки с подругами.

– Патрик, я уже не в университете. Мне, вообще-то, тридцать два. Тебе не кажется, что это детский сад какой-то?

Он глядит на меня, выгнув бровь:

– Нет, Хлоя, не кажется. По-моему, это отличный повод повеселиться.

– Ну, видишь ли, мне ведь некому помочь с организацией чего-нибудь в этом духе, – говорю я ему, уставившись в бокал с вином и легонько его покачивая. – Ты сам знаешь, что Купер никакого девичника организовывать не станет, ну а *мама*...

– Я знаю, Хло. Просто пошутил. Но ты заслуживаешь вечеринки в свою честь, и я ее устроил. Только и всего.

Грудь наполняет теплое чувство, я крепко сжимаю его руку.

– Спасибо тебе. Это и правда другое. У меня чуть сердце наружу не выскочило...

Патрик вновь смеется и одним глотком допивает бокал.

– ...но это все равно здорово. Я люблю тебя.

– И я тебя очень люблю. Иди, пообщайся с гостями. И про вино не забывай. – Он стучит пальцем по ножке бокала, из которого я так и не отпила. – Тебе нужно развеесться.

Я залпом выпиваю вино и проталкиваюсь сквозь толпу в гостиную. Кто-то отбирает у меня бокал, чтобы снова его наполнить, кто-то другой протягивает навстречу блюдо с сыром и крекерами.

– С голоду, поди, умираешь. Ты что, всегда так допоздна на работе?

– Конечно! Это ж Хлоя, не кто-нибудь!

– Хло, ничего, если я тебе шардоне налью? У тебя там вроде пино было, но какая, в сущности, разница?

Проходит несколько минут или, может, несколько часов. Я перемещаюсь из одной части дома в другую, каждый раз натываясь на кого-нибудь с неизменными *поздравлениями* и свежим бокалом для себя; вопросы, все время одни и те же, пусть и в разной последовательности, льются даже стремительней, чем вино, хотя в углу уже целая груда пустых бутылок.

– Ну как, сойдет за *промочить горло*?

Я поворачиваюсь и вижу рядом улыбающуюся во весь рот Шэннон. Она смеется, притягивает меня к себе и целует в щеку, как это всегда делает – плотно прижавшись губами к моей коже. Я вспоминаю недавний имейл.

PS Как насчет встретиться вскорости, промочить горло?

– Врушка несчастная, – говорю я ей, с трудом удержавшись, чтобы не стереть со щеки следы помады.

– Ну да, провинилась. – Она улыбается в ответ. – Надо ж было убедиться, что ты ничего не заподозрила.

– Считай, что тебе удалось... Как твоё семейство?

– В полном порядке, – отвечает Шэннон, покручивая кольцо на пальце. – Билл на кухню пошел, бокалы наполнить. А Райли...

Она обводит взглядом комнату, быстро стреляя глазами между тел, колышущихся, словно морские волны. Найдя, судя по всему, искомое, улыбается и качает головой.

– Райли вон, в уголке, в телефоне залипла. Ужас просто.

Обернувшись, я вижу ссутулившуюся на стуле девочку-подростка, лихорадочно барабаниющую пальцами по смартфону. На ней короткое летнее платьице и белые кроссовки, волосы серовато-русые. На лице выражение такой невыносимой скуки, что я не могу не рассмеяться.

– Ну, ей же пятнадцать, – говорит Патрик.

Я бросаю взгляд в сторону – вот он, стоит рядом, улыбается. Скользя поближе, кладет руку мне на талию, целует в лоб. Не перестаю восхищаться тем, как ловко он с ходу вписывается в любую беседу, отпуская настолько своевременную реплику, как если бы был свидетелем всего разговора.

– Мне вот только объяснять не нужно, – парирует Шэннон. – Она сейчас наказана, одной ей никуда нельзя, потому мы ее с собой и притащили. А она, соответственно, не слишком рада, что мы ее с *какими-то стариками* заставляем общаться.

Я улыбаюсь, не в силах отлепить взгляд от девочки, – гляжу, как Райли с отсутствующим видом наматывает на палец локон, как прикусывает краешек губы, вникая в появившийся на экране текст.

– За что ее наказали?

– Пыталась сбежать без спроса. – Шэннон закатывает глаза. – Мы ее застали, когда она из окна собственной спальни пыталась вылезти – *в полночь*! Лестницу из простыней сделала, как в фильмах! Хорошо хоть шею не свернула...

Я снова смеюсь, зажимаю себе рот ладонью.

– Честное слово, когда мы с Биллом стали встречаться и он рассказал, что у него дочка десяти лет, я и не сообразила, во что вляпалась, – говорит Шэннон негромко, уставившись на падчерицу. – Вот, думаю, повезло-то. Ребенок на халяву, и никаких тебе грязных подгузников, воплей посреди ночи и всего такого прочего. Такая милашка была... Просто удивительно, как все мгновенно меняется, стоит им достичь тинейджерского возраста. Не дети уже, а чудовища какие-то.

– Ненадолго. – Патрик улыбается. – Настанет день, когда от этого останутся лишь воспоминания.

– Господи, хоть бы и вправду так, – смеется Шэннон, делая глоток вина. – Он у тебя суший ангел.

Это уже в мой адрес, однако шагает она поближе к Патрику и стучит ему в грудь.

– Организовал вот это все... Ты даже не представляешь, сколько у него ушло времени, чтобы всех здесь собрать.

– Да, – соглашаюсь я. – Я его не заслуживаю.

– Повезло тебе, что ты не уволилась неделей раньше.

Шэннон легонько пихает меня в бок, и я улыбаюсь – память о нашем знакомстве за прошедшее время ничуть не стерлась. Одна из тех случайных встреч, которые обычно ничем не кончаются. Врезаешься в автобусе в чье-то выставленное плечо, бормочешь «извините» – и вы расходитесь. Одалживаешь у мужчины в баре ручку, когда в твоей паста высохла, бежишь с забытым на дне магазинной тележки бумажником за машиной, пока та не отъехала. В основном все заканчивается улыбкой и обычным «спасибо».

Но иногда такие встречи кое-что значат. Или даже не кое-что, а все.

Мы повстречались с Патриком у входа в главную больницу Батон-Ружа: он направлялся внутрь, я шла наружу. Скорее, даже ковыляла, а дно картонной коробки грозило лопнуть под весом барахла из моего кабинета. Я ведь вполне могла бы пройти мимо, поле зрения было перекрыто коробкой, так что я смотрела себе под ноги, стараясь лишь не промахнуться мимо двери. Вполне могла бы пройти мимо, если б не услышала его голос.

– Вам помочь?

– Нет-нет, – ответила я, перенося вес коробки с одной руки на другую. До автоматической двери оставалась какая-то пара шагов, а снаружи ждала с заведенным мотором моя машина. – Справлюсь.

– Давайте-ка помогу.

Я услышала за спиной торопливые шаги, почувствовала, что коробка чуть приподнялась – его рука проникла между моих.

– Бог ты мой, – выдохнул незнакомец, – да что у вас там такое?

– Большой частью книги. – Я отвела со лба вспотевшие волосы, когда он принял коробку у меня из рук. И в первый раз увидела его лицо – светлые волосы, ресницы им в цвет, зубы, над которыми в отрочестве потрудились дорогой ортодонт, после чего их, вероятно, еще и отбелили раз-другой. Бицепсы под голубой рубашкой напряглись; он поднял в воздух всю мою жизнь и опустил себе на плечо.

– Выгнали?

Моя шея дернулась в его сторону, я уже открыла рот, чтобы поставить наглеца на место, но тут он тоже на меня взглянул. Ласковые глаза, которые, кажется, сделались еще мягче, когда он вгляделся в мое лицо, рассмотрел его все сверху донизу. Он смотрел на меня словно на старого друга; зрачки метались, выискивая на моей коже знакомые черты. Потом его губы тронула понимающая улыбка.

– Шучу, шучу. – Его внимание вернулось к коробке. – Для уволенной у вас слишком счастливый вид. И потом, где охранники, которые должны вас вывести под белы ручки и вышвырнуть на панель? Оно ведь как-то так устроено?

Я улыбнулась, даже рассмеялась. Мы уже были на парковке; он поставил коробку на крышу моей машины, скрестил на груди руки и повернулся ко мне.

– Я сама уволилась, – сказала я ему, и в словах этих прозвучала такая окончательность, что я какую-то секунду была готова расплакаться. Больница Батон-Ружа – моя первая работа, первая и единственная. Шэннон, моя коллега, сделалась мне лучшей подругой. – Сегодня последний день.

– Что ж, мои поздравления. А теперь куда?

– Открываю собственную практику. Я – медицинский психолог.

Он присвистнул и заглянул в коробку на крыше. Что-то внутри привлекло его внимание; он рассеянно покачал головой, наклонился, вытащил книгу и спросил, разглядывая обложку:

– Интересуетесь убийствами?

У меня сдавило грудь, я стрельнула глазами на коробку. Сообразив вдруг, что, кроме учебников по психологии, в ней целая стопка документальных книг о преступниках: «Дьявол в Белом городе», «Без пощады», «Флорентийский монстр». В отличие от большинства я читаю их не ради удовольствия. Я по ним учусь. Я читаю их, пытаюсь понять, провести вскрытие всех тех людей, что живут, чтобы убивать; я поглощаю страницу за страницей, словно они – мои пациенты, расположившиеся на кожаной кушетке и нашептывающие мне в ухо свои тайны.

– Можно сказать и так.

– Я это не в укор, – добавил он, развернув книгу у себя в руках так, чтобы я могла увидеть название, «Полночь в саду Добра и Зла», после чего раскрыл ее и начал листать страницы. – Я сам эту книгу обожаю.

Я вежливо улыбнулась, не представляя, что именно следует сказать в ответ.

– Мне в самом деле пора, – произнесла я в конце концов, шагая к машине и протянув на прощание руку. – Благодарю за помощь.

– Рад был оказаться полезным, доктор...

– Дэвис, – сказала я. – Хлоя Дэвис.

– Что ж, доктор Хлоя Дэвис, если вы вновь затеете двигать коробки... – Он выудил бумажник из заднего кармана брюк, достал оттуда визитку и вложил между страницами. Захлопнув книгу, протянул ее мне. – Вы будете знать, как меня найти.

Он улыбнулся, подмигнул мне, потом развернулся и снова зашагал к зданию больницы. Когда за ним закрылись автоматические двери, я перевела взгляд на книгу у себя в руках, провела пальцами по глянцевой обложке. Там, где была заложена визитка, между страницами осталась небольшая щелка; я сунула в нее ноготь и раскрыла книгу. Опустила взгляд и с необычным ощущением в груди взглянула на имя.

Что-то подсказало мне, что Патрика Бриггса я вижу не в последний раз.

Глава 5

Извинившись перед Шэннон и Патриком, я выскальзываю наружу через боковую дверь. Когда добираюсь до заднего крыльца, сжимая в руке бокал с четвертой за сегодня разновидностью напитков, у меня в голове все идет кругом. В ушах – шум от бесконечной болтовни, в мозгах – от бутылки вина, которую я успела уговорить. Снаружи пока жарко, но уже подул свежий ветерок. А вот в доме, где между стен мечется тепло разогретых алкоголем тел, было не продохнуть.

Подхожу к столику, где от разложенных на газетах груд раков, кукурузы и сосисок с картошкой почему-то до сих пор поднимается пар. Ставлю на него свой бокал, беру рака и открываю ему голову – на запястье мне брызжет сок.

Потом слышу за спиной какое-то движение. Шаги. И голос:

– Не бойся, это я.

Я резко поворачиваюсь. Какое-то время уходит, чтобы разглядеть в темноте фигуру. Между пальцами у нее светится вишневый кончик сигареты.

– Знаю – ты терпеть не можешь сюрпризы...

– Куп!

Уронив рака на тарелку, я шагаю навстречу брату, обвиваю руками его шею и вдыхаю знакомый запах. Никотин и мятная жвачка. Я настолько не ожидала его увидеть, что даже не обращаю внимания на шпильку насчет вечеринки.

– Привет, сестренка.

Чуть отстранившись от Купера, я вглядываюсь в его лицо. Выглядит старше, чем в нашу последнюю встречу, но для него это нормально. Купер может за какой-нибудь месяц на целый год постареть, а седины на висках и глубоких морщин на серьезном лбу и вовсе с каждым днем прибавляется. Вот только Куп из тех, кто с возрастом делается даже привлекательней. Моя соседка по комнате в университете, когда у него в щетине начала появляться проседь, стала звать его Серебряным Лисом. И я это прозвище никак из головы не выброшу. На самом деле оно довольно точное. Куп выглядит взрослым и изящным, но при этом спокойным и задумчивым, как будто в свои тридцать пять лет успел познать больше, чем иным удастся за всю жизнь. Я отпускаю его шею.

– Я тебя там не видела, – говорю несколько громче, чем собиралась.

– К тебе было не пробиться, – отвечает он со смехом, делает последнюю затяжку и роняет сигарету наземь, чтобы раздавить каблуком. – Ну, и каково оно, когда на тебя накидывается сразу сорок человек?

Я пожимаю плечами:

– Сойдет за репетицию свадьбы.

Его улыбка чуть кривится, но он тут же придает ей прежнюю форму. Мы оба делаем вид, будто ничего не случилось.

– А где Лорел? – спрашиваю я.

Купер сует обе руки в карманы и смотрит мне поверх плеча; взгляд его делается отдаленным. Я уже знаю, что сейчас услышу.

– Теперь неважно.

– Жалко, – говорю. – Мне она нравилась. По-моему, она хорошая.

– Ну да, – кивает он. – Хорошая. Она и мне нравилась.

Некоторое время мы молчим, прислушиваясь к гулу голосов внутри. Мы оба прекрасно понимаем, как трудно выстроить отношения после всего, через что нам довелось пройти; понимаем, что чаще всего ничего из этого не выходит.

– Ну и как ты, ждешь с нетерпением? – говорит Купер, дергая подбородком в направлении дома. – Свадьбу и все остальное?

Я смеюсь.

– *Все остальное?* Ты просто мастер выбирать слова.

– Ты знаешь, о чем я.

– Да, знаю. И да, жду с нетерпением. Лучше бы ты дал ему шанс.

Купер смотрит на меня, сощурившись. Я переступаю с ноги на ногу.

– Это ты сейчас о чем? – спрашивает он.

– О Патрике, – говорю я. – Знаю, он тебе не нравится...

– С чего ты решила?

Теперь моя очередь сощуриться.

– Давай-ка опять не начинать!

– Нравится он мне, нравится! – Купер вскидывает руки в знак капитуляции. – Только напомни, кто он там по профессии?

– Агент по продажам. Фарма.

– Да что ты говоришь? *Ферма?* – Он хмыкает. – Серьезно? А по виду не скажешь...

– Фармацевтика, – говорю я. – Через «а».

Купер смеется, извлекает из кармана пачку сигарет, сует в рот очередную. Протягивает пачку мне, я отрицательно трясую головой.

– Так больше похоже на правду, – соглашается он. – Для того, кто крутится среди фермеров, он как-то чересчур прилично одет.

– Хватит уже, Куп. – Я складываю руки на груди. – Я предупреждала тебя ровно об этом.

– По-моему, вы слишком торопитесь. – Он щелкает зажигалкой, подносит пламя к сигарете и затягивается. – Сколько вы там знакомы – пару месяцев?

– Год. Мы вместе уже целый год.

– То есть вы *год* как друг друга знаете?

– И что?

– То, что нельзя узнать человека за какой-то год. Ты с его семьей познакомилась?

– Пока нет, – вынуждена признать я. – Он с ними не слишком общается. Да будет тебе! Ты что, собрался судить о человеке по его семье? Уж кому, как не тебе, понимать, что семья – то еще дерьмо.

Купер пожимает плечами и вместо ответа делает еще затяжку. Его ханжество начинает меня раздражать. Брат всегда обладал способностью без малейших усилий залезать мне под кожу, зарываться поглубже, как скарабей, и заживо меня грызть. Хуже всего, по его виду не скажешь, что он это делает. Словно даже не понимает, насколько остро меня режут его слова, как больно колют. Мне вдруг хочется ответить ему тем же самым.

– Слушай, мне тоже очень жаль, что с Лорел у тебя ничего не вышло, да и с остальными, раз уж на то пошло, но это не дает тебе право ревновать. Попробуй разок раскрыться навстречу людям, вместо того чтобы вести себя как последний засранец, – сам удивишься, что обнаружишь.

Купер молчит, и я понимаю, что перегнула палку. Дело, вероятно, в вине. Оно делает меня чересчур прямолинейной. И чересчур ядовитой. Купер затягивается – глубоко – и выпускает дым. Я вздыхаю.

– Я не это хотела сказать.

– Так ведь ты права, – говорит он, подходя ближе к крыльцу, и облакачивается на перила, скрестив ноги. – Тут я соглашусь. Но, Хлоя, он ведь для тебя устроил эту вечеринку-сюрприз. При том, что ты боишься темноты... Черт возьми, ты вообще всего боишься!

Я легонько постукиваю пальцами по бокалу.

– Он выключил во всем доме свет и подговорил сорок человек закричать, когда ты войдешь. Ты же до смерти перепугалась! Я видел, как ты сразу руку в сумочку сунула. И прекрасно знаю зачем.

Я молчу, в неловкости, что Куп это разглядел.

– Думаешь, устроил бы он все это, зная про твою сраную паранойю?

– Он действовал из лучших побуждений, – говорю я. – Ты и сам понимаешь.

– Не сомневаюсь, но речь-то не об этом. Он тебя не знает, Хлоя. А ты – его.

– Все он знает, – говорю я резко. – Он меня знает. Просто не хочет, чтобы я постоянно пугалась собственной тени. И я ему за это благодарна. Так правильней.

Купер вздыхает, одной затяжкой приканчивает сигарету и выбрасывает окурок через перила.

– Все, что я хочу сказать, Хлоя, – мы с тобой другие. Не такие, как они все. Нам через то еще дерьмо довелось пройти...

Он машет рукой в сторону дома, я оборачиваюсь и вглядываюсь в собравшихся внутри. Друзья, фактически ставшие мне семьей, смеются и болтают между собой, в высшей степени беззаботные – и тут я вместо любви к ним, которую чувствовала всего несколько минут назад, ощущаю внутри себя пустоту. Купер прав. Мы – другие.

– Он хоть знает? – спрашивает брат очень тихо. И мягко.

Я снова поворачиваюсь, готовая испепелить взглядом его темный силуэт. Но вместо ответа лишь прикусываю изнутри щеку.

– Хлоя?

– Да, – отвечаю я наконец. – Конечно, он все знает, Купер. Конечно, я ему рассказала.

– Что ты ему рассказала?

– Все, понятно тебе? Я рассказала все.

Он кидает быстрый взгляд в сторону дома, откуда доносятся приглушенные звуки продолжающейся уже без нас вечеринки, а я опять молчу. Прикушенная щека болит; кажется, я чувствую вкус крови.

– Да что между вами за кошка пробежала? – говорю наконец напрочь лишенным жизни голосом. – Что случилось?

– Ничего не случилось. Не знаю, как сказать... Если ты – та, кто ты есть, да еще наша семья... Я надеюсь, что он рядом с тобой по правильной причине, вот и все.

– *По правильной причине?* – перебиваю я его громче, чем самой хотелось. – Это что еще за херня такая?

– Хлоя, успокойся!

– Нет! – возражаю я. – Не буду я успокаиваться! Ты мне сейчас хочешь сказать, что *просто* полюбить меня он не мог? *Просто* полюбить такой кусок дерьма, как я? *Ущербную Хлою?*

– Да ладно тебе, – говорит Купер, – давай без этих своих драм.

– Это никакая не моя драма, – отвечаю я, – это я *тебя* прошу прекратить быть эгоистом. Прошу дать ему шанс.

– Хлоя...

– Я хочу видеть тебя на свадьбе, – перебиваю я. – Честное слово, хочу. Но она состоится, придешь ты туда или нет. А если хочешь заставить меня выбирать...

Слышу, как за спиной отодвигается скользящая дверь, резко оборачиваюсь, и мой взгляд останавливается на Патрике. Он улыбается мне, хотя я прекрасно вижу, что его глаза мечутся между мной и Купером, а на губах застыл невысказанный вопрос. Сколько он простоял там, за стеклянной дверью? И сколько успел расслышать?

– Все в порядке? – спрашивает Патрик, подходя ближе. Его рука ложится мне на талию, и я чувствую, как он подтягивает меня поближе к себе – и подальше от Купера.

– Да, – отвечаю я, стараясь собрать волю в кулак и успокоиться. – Да, у нас все в норме.

– Купер, – говорит Патрик, протягивая ему навстречу другую руку. – Здорово, дружище.

Брат улыбается и отвечает моему жениху крепким рукопожатием.

– Кстати, я тебя даже толком поблагодарить не успел. Спасибо тебе за помощь!

Я смотрю на Патрика и чувствую, как кожа на его лбу собирается в складки.

– За какую еще помощь? – спрашиваю.

– С этим вот всем, – Патрик улыбается. – С вечеринкой. Он тебе не рассказал?

Я перевожу взгляд на брата, а в сознании у меня огнем пылают слова, которые я ему сказала. У меня сжимается сердце.

– Нет, – говорю я, все еще глядя на Купера. – Он мне ничего не рассказал.

– Ну да, – продолжает Патрик. – Этот парень – просто спаситель какой-то. Без него ничего не вышло бы.

– Да ерунда, – бормочет Купер, глядя себе под ноги. – Рад был помочь.

– Никакая не ерунда, – возражает Патрик. – Он сюда раньше всех приехал, чтобы раков отварить. Не один час провозился, пока приправу подобрал.

– Почему ты мне не сказал? – спрашиваю я.

Купер неловко пожимает плечами:

– Говорю же, ничего особенного.

– В любом случае пора обратно в дом, – говорит Патрик и тянет меня за собой. – Там есть пара человек, с которыми я хочу тебя познакомить.

– Еще пять минут, – говорю ему я, чуть упираясь, чтобы остаться на месте. Я не могу ни распрощаться с братом подобным образом, ни попросить прощения в присутствии Патрика, открыв тем самым, что за разговор у нас был до его прихода. – Я тебя догоню.

Патрик смотрит на меня, потом на Купера. Чувство такое, что он собирается возразить, даже чуть приоткрывает рот, но вместо этого лишь снова улыбается и сжимает мое плечо.

– Договорились, – отвечает он и машет брату рукой на прощание. – Пять минут.

Стеклянная дверь закрывается, я дожидаюсь, пока Патрик исчезнет из виду, и снова поворачиваюсь к брату.

– Купер, – произношу в конце концов, опуская руки. – Прости меня. Я же не знала.

– Все в порядке, – отвечает он. – Честное слово.

– Ничего не в порядке. Мог бы и сказать что-нибудь. А я еще, как последняя сучка, эгоистом тебя обозвала...

– Все в порядке, – повторяет он, отталкивается от перил, подходит ко мне вплотную и заключает в объятия. – Я для тебя что угодно сделаю, Хло. Ты и сама это знаешь. Ты ведь моя сестренка.

Вздохнув, я тоже обвиваю его руками, позволяя чувству вины и гневу растаять и осыпаться прочь. Для нас с Купером все это – обычное дело. Мы орем друг на друга, ссоримся, можем месяцами не разговаривать – но когда все кончается, снова чувствуем себя детьми, которые бегают босиком на заднем дворе, когда включена поливалка, строят в подвале крепости из коробок, могут часами болтать между собой, даже не замечая, как окружающие куда-то исчезают... Кажется, иногда я склонна винить Купера в том, что он заставляет меня вспомнить саму себя: кем раньше была я, кем – мои родители. Самим своим существованием он напоминает: имидж, который я демонстрирую окружающему миру, – вовсе не реальность, а искусно созданная маска. Стоит сделать один неверный шаг – и он рассыплется на мелкие кусочки, открыв истинную меня.

У нас непростые отношения, но мы – одна семья. Другой у нас нет.

– Я люблю тебя, – говорю я ему, сжимая покрепче. – И вижу, что ты стараешься.

– Я стараюсь, – подтверждает Купер. – Просто хочу тебя защитить.

– Я знаю.

– Хочу, чтобы у тебя все было замечательно.

– Я знаю.

– Наверное, я просто привык быть тем самым мужчиной в твоей жизни. Единственным, кто о тебе заботится. Теперь ответственность уходит к кому-то еще. А я не хочу ее отдавать.

Я улыбаюсь и крепко зажимаюсь, чтобы не дать ускользнуть слезинке.

– У тебя, оказывается, и сердце есть?

– Брось, Хло, – шепчет он. – Я серьезно.

– Я знаю, – снова повторяю я. – Знаю, что серьезно. У меня все будет хорошо.

Некоторое время мы молча стоим, обнявшись, а собравшиеся в мою честь гости, похоже, совершенно забыли, что меня уже бог знает сколько времени с ними нет. Сжимая брата в объятиях, я вдруг вспоминаю про тот телефонный звонок – от Аарона Дженсена. «*Нью-Йорк таймс*».

«Но вы-то изменились, – сказал репортер. – Вы и ваш брат. Читатели будут рады узнать, как у вас дела – как вы справились».

– Эй, Куп, – говорю я, поднимая голову. – Можно тебя кое о чем спросить?

– Валяй.

– Тебе сегодня никто не звонил?

Он озадаченно на меня смотрит.

– В каком смысле – никто?

Я не уверена, хочу ли продолжать.

– Хлоя, – говорит Купер, чувствуя, что я пытаюсь отстраниться, и крепче берет меня за руки. – Ты сейчас про какой звонок?

Я набираю воздуха, чтобы ответить, но брат меня опережает.

– А ты знаешь, мне и в самом деле звонили. От мамы. Оставили сообщение, а я про него совсем забыл... Тебе тоже звонили?

Я выдыхаю и торопливо киваю.

– Да, – вру не краснея. – Я тоже тот звонок пропустила.

– Нам как раз пора было ее навестить, – говорит он. – Сейчас моя очередь. Извини, что задержался.

– Ничего страшного, – говорю я. – Хочешь, я съезжу, раз ты занят?

– Нет. – Он качает головой. – У тебя и так сейчас забот полно. Съезжу в эти выходные, обещаю. Больше ничего спросить не хотела?

Мои мысли возвращаются к Аарону Дженсену и к нашей беседе по моему телефону в офисе – не то чтобы ее можно было назвать беседой. *Двадцать лет*. Наверное, мне следует рассказать об этом брату – что «*Нью-Йорк таймс*» затеяла ворошить наше прошлое. Что этот Аарон Дженсен пишет статью про нашего отца и про нас. Потом я понимаю: если у Аарона есть контакты Купера, он ему уже позвонил бы. Он сам сказал, что целый день пытался до меня дозвониться. Раз уж до меня не смог, разве не переключился бы на брата? На другого ребенка Дэвисов? Нет; если он до сих пор не добрался до Купа, значит, не смог раздобыть его номер, его адрес, вообще ничего.

– Да, – говорю я, – больше ничего.

Не стоит его этим грузить. В самом лучшем случае новости о том, что репортер из «*Таймс*» звонил мне на работу, чтобы накопать грязи на нашу семью, расстроят его настолько, что он за один час скурит всю пачку сигарет из заднего кармана. В худшем – Куп сам ему позвонит, чтобы послать на хер. Тогда у Дженсена действительно появится его номер, и мы оба влипнем по уши.

– Слушай, там тебя твой женишок заждался, – говорит Купер, хлопнув меня пару раз по спине. Обойдя меня сбоку, он направляется к ступенькам, ведущим на задний двор. – Давай-ка внутрь.

– А ты не зайдешь? – уточняю я, хотя уже знаю ответ.

– На сегодняшний вечер вращения в обществе мне достаточно. До свиданья, аллигатор.

Я улыбаюсь, снова беру со стола свой бокал и поднимаю к подбородку. Детская прибаутка, слетающая с уст моего брата, мужчины почти что уже средних лет, никогда не делается банальностью – она звучит почти диссонансом, юношеский голосок, переносящий меня на два десятка лет назад, когда жизнь была проще, веселей и свободней. И в то же самое время она совершенно уместна, поскольку двадцать лет назад наш мир перестал вращаться. Мы застряли в том времени, навеки юные. Как и те девочки.

Допив вино, я машу рукой в его сторону. Мрак уже поглотил его, но я знаю, что он еще там. И ждет.

– Заходи, крокодил, – шепчу я, вглядываясь в тени.

Тишину нарушает хруст листьев под ногами, и несколько мгновений спустя я понимаю, что Купер ушел.

Июнь 2019 года

Глава 6

Я открываю глаза. Голова гудит от ритмичных ударов, словно толпа дикарей лупит в барабаны, комната чуть ли не ходуном ходит. Перекатившись на другой бок, я смотрю на будильник. Десять сорок пять. Как я умудрилась спать так долго?

Усевшись в постели, принимаюсь тереть виски, щурясь от яркого света. Когда я только сюда въехала – когда это была еще *моя* спальня, а не *наша, дом*, а не *гнездышко*, – мне хотелось, чтобы все вокруг было белым. Стены, ковер, простыни, занавески. Белизна означает чистоту, покой, безопасность.

Однако сейчас белизна значит яркость. Слишком яркую яркость. От льняных штор, висящих поверх огромных окон – от пола до потолка, – толку, как я теперь понимаю, ни малейшего, поскольку они не в состоянии сдержать ослепительное солнце, лупящее мне прямо по подушке. Я испускаю стон.

– Патрик! – кричу, наклоняясь к прикроватной тумбочке, чтобы достать пузырек ибупрофена. На мраморной подставке стоит стакан с водой – и появился он здесь совсем недавно. Лед еще не растаял, кубики торчат над поверхностью, словно буйки в штить. Холодный пот, проступающий на стенках стакана, собирается под ним в лужицу. – Патрик, что ж мне так плохо-то?

Мой жених, который как раз входит сейчас в спальню, негромко усмехается. В руках у него поднос с оладьями и диетическим индюшачьим беконом, и я немедленно озадачиваюсь вопросом, чем таким я заслужила, чтобы мне приносили завтрак в постель. Не хватает разве что вазочки со свежесорванным полевым цветком, чтобы все вместе сделалось сценой из семейного кинофильма – это если оставить за скобками мое дикое похмелье...

«Может, это карма, – думаю я. – Семья у меня была дерьмовая, зато муж достанется идеальный».

– После двух бутылок вина так оно и бывает, – говорит Патрик и целует меня в лоб. – Особенно если те бутылки в процессе постоянно меняются.

– Мне просто давали один бокал за другим, – говорю я, выбрав кусочек бекона и вгрызаясь в него. – Я даже не знаю, что именно пила.

И тут вспоминаю про «Ксанакс». Про маленькую белую таблетку, которую проглотила за какие-то несколько минут до того, как мне начали вручать бокалы. Неудивительно, что мне так хреново; неудивительно и то, что вчерашний вечер кажется слегка размытым по краям, словно я сейчас пересматриваю события сквозь матовое доньшко стакана. Щеки вспыхивают от стыда, но Патрик ничего не замечает. Просто смеется и гладит меня по спутанным волосам. Его прическа, в отличие от моей, в идеальном состоянии. Я осознаю, что он успел принять душ, его лицо выбрито, светло-песочные волосы смазаны гелем и расчесаны на идеально тонкий пробор. От него пахнет средством после бритья и одеколоном.

– Ты куда-то собрался?

– В Новый Орлеан. – Он морщит лоб. – Помнишь, я тебе говорил на прошлой неделе? Про конференцию?

– А, точно. – Я трясую головой, хотя ничего такого не припоминаю. – Извини, башка до сих пор мутная. Только... сегодня же суббота. Она что, на выходных будет? Ты ведь только что вернулся домой...

До знакомства с Патриком я мало что знала о фармацевтических продажах. По большому счету только про деньги, или, если точнее, что в этой профессии они немаленькие. Во

всяком случае, в перспективе, если хорошо справляться. Теперь-то мне известно куда больше, в частности, что работа эта сопряжена с постоянными разъездами. За Патриком закреплена добрая половина Луизианы и часть Миссисипи, так что на неделе он буквально не вылезает из машины. Встает рано, ложится поздно, уйму времени проводит в пути от больницы к больнице. И конференций тоже множество: тренинги по продажам и ассортименту, интернет-маркетинг медицинского оборудования, семинары по перспективным направлениям фармацевтики. Я знаю, что он все это время скучает по мне, но знаю также, что ему все это нравится – вино и обеды, роскошные отели, треп с врачами... И в своем деле он очень успешен.

– Вечером все собираются в отеле, чтобы перезнакомиться, – медленно произносит Патрик. – Завтра – турнир по гольфу, а в понедельник начнется сама конференция. Ты все забыла?

Мое сердце пропускает удар. «Да, – думаю я. – Да, я все забыла». Но я лишь улыбаюсь, отпихиваю в сторону тарелку с завтраком и обвиваю руками его шею.

– Прости, уже припоминаю... Просто, кажется, не протрезвела еще.

Патрик, как я и ожидала, смеется и ерошит мне волосы, будто я дошкольник на матче в детский бейсбол и настала моя очередь подавать.

– Неплохо вчера повеселились, – говорю я, чтобы сменить тему. Кладу голову ему на колени и закрываю глаза. – Спасибо тебе за все.

– Конечно, неплохо, – соглашается он, рисуя кончиком пальца у меня на голове различные фигуры. Кружок, квадратик, сердечко. Потом на минуту умолкает – молчанием того сорта, которое тяжело повисает в воздухе – и наконец спрашивает: – О чем ты там вчера с братом разговаривала? Ну, снаружи.

– Ты про какой разговор?

– Ты прекрасно знаешь, про какой. Тот, который я прервал.

– А, вот ты о чем, – говорю я и чувствую, что веки опять наливаются тяжестью. – Купер в своем репертуаре. Ничего особенного.

– О чем бы вы там ни говорили, выглядело все... не слишком мирно.

– Он беспокоится, что ты женишься на мне *по неправильной причине*, – говорю я, обозначая пальцами кавычки в знак, что цитирую. – Такой уж мой брат. Стремится меня защитить.

– Он так и сказал?

Патрик убирает руку с моей головы; я чувствую, как он напрягся, и жалею, что эти слова не застряли у меня в глотке. А все из-за вина, которое до сих пор шумит в крови и заставляет мысли расплескиваться, словно содержимое переполненного бокала, оставляя повсюду пятна...

– Забудь, – говорю, открывая глаза. Я ожидала, что Патрик смотрит на меня сейчас сверху вниз, но нет – он уставился невидящим взглядом куда-то вдаль. – Купер полюбит тебя не меньше моего, я точно знаю. Он старается.

– Он хоть объяснил, откуда у него такие мысли?

– Патрик, ну что ты, в самом деле? – Я усаживаюсь на постели. – Купер меня защищает. И всегда так делал, с самого детства. Сам знаешь, что у нас за прошлое. Он вроде как ото всех вокруг ждет подлянки. В этом мы с ним похожи.

– Да, – произносит Патрик, все еще стеклянно глядя вдаль. – Да, понимаю.

– И я-то знаю, что ты женишься на мне по самым правильным причинам, – говорю я и кладу ладонь ему на щеку. Он чуть отдергивается, словно мое прикосновение вывело его из транса. – Включая накачанную пилатесом попку и мою оргазмическую курятину под винным соусом.

Он наконец оборачивается на меня, не в силах сдержать улыбки, потом разражается хохотом. Накрыв мою ладонь своей, сжимает мне пальцы, потом встает.

– Не вздумай работать все выходные, – говорит Патрик, разглаживая складки на отутюженных брюках. – И дома не сиди. Развлекайся.

Картинно закатив глаза, я подхватываю очередной ломтик бекона и, сложив его вдвое, целиком запихиваю в рот.

– Или займись подготовкой к свадьбе, – продолжает он. – Дальше откладывать некуда.

– Еще целый месяц, – с ухмылкой отвечаю я.

То обстоятельство, что свадьба намечена на июль, тот самый месяц, когда двадцать лет назад начали пропадать девочки, от меня не укрылось. Мысль об этом посетила меня в тот самый миг, когда мы прошли сквозь ворота «Кипарисового ранчо». К усадьбе вела великолепная мощеная дорожка, с дубов по обе ее стороны все еще капало после дождя, выкрашенные в белый цвет стулья были идеально ровно расставлены между четырьмя белыми колоннами здания. Вокруг, насколько хватало глаз, простирались нетронутые пастбища. Помню, как мой взгляд остановился на перестроенном для празднеств амбаре на краю участка; его деревянные столбы были увиты гирляндами огоньков, зеленью и цветами магнолии сливочного оттенка. В загоне за белым заборчиком щипали траву лошади; безупречность изумрудной равнины нарушала разве что речка вдали – она вилась вдоль самого горизонта, словно набухшая вена на руке.

– То, что надо, – произнес Патрик, крепко сжимая мою ладонь. – Согласись, Хлоя, – ровно то, что надо.

Я улыбнулась и кивнула ему. Действительно, то, что надо, вот только окружающие просторы сразу же напомнили мне дом. Перемазанного грязью отца, когда он появлялся из-за деревьев с лопатой на плече. Болота, окружавшие наш участок подобно крепостному рву – внутрь никто не попадет, но и самим наружу не выбраться. Я бросила взгляд на усадьбу и попыталась представить, как выхожу в своем свадебном платье на огромное крыльцо, а потом спускаюсь по ступеням навстречу Патрику. Внимание мое привлекло какое-то легкое движение, и я пригляделась. На крыльце развалилась в кресле-качалке девочка-подросток, ее вытянутые ноги в коричневых ездовых сапогах легонько упирались в одну из колонн, лениво покачивая кресло. Поймав мой взгляд, она уселась прямой,правила платье и положила ногу на ногу.

– Моя внучка, – объяснила стоявшая рядом женщина. Оторвав взгляд от девочки, яглянула в ее сторону. – Этот дом принадлежит нашей семье уже не одно поколение. А ей нравитсязабегать сюда после школы. Она любит на крыльце делать уроки.

– Всяко лучше, чем в библиотеке, – улыбнулся Патрик и помахал девочке рукой. Та смутилась, чуть опустила голову, но все же помахала в ответ. Патрик снова обернулся к женщине. – Нам все подходит. Когда у вас есть свободная дата?

– Сейчас посмотрим, – ответила она, глядя в свой планшет. Ей пришлось повернуть его раз-другой, пока экран не занял правильное положение. – Этот год у нас почти весь зарезервирован. Вы, надо сказать, несколько припозднились.

– А мы только что обручились, – сказала я, вертя на пальце новообретенное бриллиантовое кольцо, что уже стало входить у меня в привычку. Подаренное Патриком кольцо было фамильной реликвией: еще викторианское, оставшееся от прапрабабушки. Заметно потертое, но это делало его даже более ценным – такую старину не подделать. Овальный камень в центре, окруженный венком из круглых алмазов поменьше, само кольцо из светлого, чуть дымчатого золота 585-й пробы, и царапины на нем – свидетельства долгих лет семейной истории. – И не хотим чувствовать себя одной из тех парочек, что способны ждать годами, оттягивая неизбежное.

– Это точно, годы берут свое, – добавил Патрик. – Счетчик тикает.

Он легонько хлопнул меня по животу, и женщина, водившая пальцами по экрану, перелистывая страницы, понимающе усмехнулась. Я попыталась не покраснеть.

– Как я уже сказала, все выходные на этот год зарезервированы. Если хотите, можно попробовать следующий.

Патрик покачал головой.

– Все до единого? Невероятно. Как насчет пятниц?

– Большой частью тоже зарезервированы под репетиции, – ответила женщина. – Но, похоже, одна все-таки осталась. Двадцать шестое июля.

Патрик бросил в мою сторону вопросительный взгляд.

– Ну что, в первом приближении годится?

Я знала, что он просто шутит, но при одном лишь упоминании *июля* сердце бешено заколотилось.

– Июль в Луизиане, – протянула я, стараясь справиться с лицом. – Наши гости не расплавятся? Особенно когда снаружи?

– Мы можем установить наружные кондиционеры, – сказала женщина. – Навесы, вентиляторы, все, что пожелаете.

– Даже не знаю, – ответила я. – И мошкеры в это время полно...

– Мы каждый год все вокруг опрыскиваем, – заверила женщина. – Гарантирую, с насекомыми никаких проблем не будет. Летом мы только и делаем, что свадьбы проводим.

В этот момент я обнаружила, что Патрик вопросительно смотрит на меня, буравя глазами мой висок, словно при достаточном усилии смог бы размотать путаницу ворочающихся внутри мыслей. Но я не пожелала повернуться и встретиться с ним взглядом. Не пожелала согласиться с иррациональностью причины, по которой одно лишь упоминание июля превращает мою обычную нервозность в подобие мании, в прогрессирующую болезнь, что усиливается с началом каждого лета. Не пожелала признать, что в желудке нарастает чувство тошноты, что кислый запах навоза вдалеке смешивается со сладким ароматом магнолий, что жужжание мух вдруг сделалось оглушительным – мух, которые кружат где-то поблизости над чем-то мертвым...

– Хорошо. – Я кивнула и снова бросила взгляд на крыльцо; только девочки там уже не было, лишь пустое кресло медленно раскачивалось на ветру. – Июль так июль.

Глава 7

Я провожаю глазами машину Патрика, сдающую задом от дома, он мигает на прощание фарами и машет мне рукой сквозь ветровое стекло. Я машу ему в ответ. На мне плотно запахнутый на груди шелковый халатик, в руке – исходящая паром чашка с кофе.

Вернувшись внутрь и закрыв за собой дверь, я окидываю взглядом внутренность дома. На всевозможных поверхностях торчат оставшиеся со вчерашнего дня стаканы, корзина для вторсырья на кухне забита пустыми винными бутылками, вокруг липких горлышек вьются свежевывулупившиеся мухи. Я принимаюсь за уборку – соскребаю с тарелок остатки еды и составляю их в огромную пустую раковину, стараясь не обращать внимания на грызущую мозг головную боль от вчерашней смеси таблеток и вина.

Вспоминаю о пузырьке у меня в машине: выписанный мной Патрику «Ксанакс», который ему не нужен и о котором он даже не подозревает. Потом – о ящике стола у меня в кабинете, набитом всевозможными болеутоляющими, наверняка способными заглушить пульсацию внутри черепа. Знать, что они там есть, соблазнительно. Какая-то часть меня желает немедленно прыгнуть в машину и помчаться в офис, а там – протянуть руку и сделать выбор. А после того свернуться на предназначенной для пациентов кушетке и снова заснуть.

Вместо этого я отпиваю немного кофе.

Я выбрала свою работу вовсе не ради легкого доступа к таблеткам, не говоря уже о том, что Луизиана – лишь один из трех штатов, где психологи могут выписывать лекарства собственным пациентам. Только здесь, в Иллинойсе и Нью-Мексико; в остальных местах нам обычно нужно обращаться за рецептом к терапевту или психиатру, который направил к нам больных. А вот здесь не так. Здесь мы и сами можем выписать. Здесь больше никого привлекать не нужно. Я еще не решила, удачное это совпадение или же крайне опасное. Но, повторюсь, причина выбора профессии не в этом. Я вовсе не для того стала психологом, чтобы воспользоваться дыркой в законодательстве; чтобы можно было не обращаться к дилерам, а спокойно подъехать прямо к окошку аптеки; чтобы получать искомое не в пластиковом пакетице, а в бумажном мешке с логотипом вместе с кассовым чеком и скидочными купонами на зубную пасту и обезжиренное молоко. Я стала психологом ради того, чтобы помогать людям, – это опять клише, и опять правда. Я стала психологом, поскольку понимаю, что такое душевная травма – таким пониманием, которому ни в каком университете не научат. Я осознаю, сколь фундаментальным образом мозг может испоганить любые прочие телесные проявления, сколь серьезные искажения во все вокруг могут вносить эмоции – причем такие, о существовании которых ты и не подозреваешь. Понимаю, как эмоции не дают тебе ясно видеть, ясно соображать, поступать ясным образом. Как они могут причинять боль всему твоему телу, с головы до кончиков пальцев, тупую, пульсирующую, непрерывную боль, от которой невозможно избавиться.

В подростковом возрасте я повидала множество докторов – бесконечную череду терапевтов, психиатров и психологов, – и каждый задавал одни и те же стандартные вопросы в попытках излечить непрерывно переключающийся внутри моей психики калейдоскоп расстройств. По нам с Купером можно было тогда учебники писать – я служила бы образцом для описания панических атак, ипохондрии, бессонницы и боязни темноты, причем список с каждым годом лишь пополнялся. Купер же, напротив, замкнулся в себе. Я переживала слишком много, он – почти ничего. От громкой активной личности остался лишь тихий шепот.

Вдвоем мы служили образцом детской травмы, которую, завернув в пеленки, подкладывали на порог каждому специалисту в Луизиане. Любой из них знал про нас, любой знал, что с нами не так. Любой знал, но никто не мог исправить. Потому я и решила взяться за дело самостоятельно...

Проковыляв через гостиную, плюхаюсь на диван, да так, что расплескиваю кофе. Слизываю потеки с края кружки. Слышится негромкий бубнеж утреннего выпуска новостей на канале, который обычно смотрит Патрик; я берусь за свой ноутбук и принимаюсь давить на клавишу, пробуждая его от глубокого оцепенения. Открываю почту, пролистываю личные сообщения, большей частью по поводу предстоящей свадьбы.

Всего два месяца, Хлоя! Давай уже определимся насчет свадебного торта. Что у нас будет сверху: карамельное покрытие или лимонный крем?

Привет, Хлоя! Цветочной лавке нужно подтверждение по количеству столов. Мне сказать им, чтобы выставили счет на двадцать букетов, или десяти хватит?

Несколько месяцев тому назад я бы все уточнила у Патрика. Самая мельчайшая из подробностей требовала решения, принятого нами обоими вместе. Но постепенно маленькая, почти интимная свадьба, которую я себе представляла – церемония на открытом воздухе и совместное празднование с самыми близкими друзьями, единственный длинный и узкий стол, мы с Патриком сидим во главе и наслаждаемся своими любимыми блюдами, перемежая их розовым шампанским и взрывами чистосердечного смеха, – превратилась в нечто совсем иное. В экзотическое животное, которое никто из нас не знал как приручить. И оно требовало непрерывно принимать решения, отвечать на бесконечные имейлы насчет совершенно тривиальных подробностей. Патрик ожидал, что практически все вердикты я буду выносить самостоятельно – вероятно, это казалось ему правильным, учитывая закрепившуюся за невестами репутацию потребности в абсолютном контроле. Вот только груз ответственности, целиком навалившейся на мои плечи, вверг меня в даже более глубокий, чем обычно, стресс. Патрик же твердо настаивал лишь на том, что терпеть не может торт из безе и не желает приглашать родителей, причем оба эти его требования меня совершенно устраивали.

Никогда не признаюсь в этом Патрику, но я жду не дождусь, когда все закончится. Вот это вот все. Я мысленно произношу «спасибо» за то, что обручение и свадьба не затянулись слишком уж надолго, и начинаю отстукивать ответы.

Спасибо, карамель – самое то!

Может, сойдемся на среднем? 15?

Еще несколько имейлов; наконец я дохожу до сообщения от распорядительницы церемонии – и застываю над ним.

Хлоя, здравствуйте! Извините за настойчивость, но нам нужно зафиксировать все подробности, чтобы я могла перейти к схеме, по которой рассаживать гостей. Вы уже решили, кто поведет вас навстречу жениху? Когда будет возможность, сообщите мне, пожалуйста.

Курсор завис над кнопкой «Удалить», но тут я слышу рядом с собой назойливый голос психолога – свой собственный голос.

Классический прием, Хлоя, – избегать решения. Ты прекрасно знаешь, что проблему он не устраняет, лишь откладывает на потом.

Отреагировав на внутренний совет картинным закатыванием глаз, я принимаюсь барабанить по клавиатуре. И вообще, идея того, что отдавать дочь жениху должен отец, настолько несовременна! При одной мысли, что меня кому-то *отдадут*, мой желудок проваливается куда-то в пятки; можно подумать, я – вещь, доставшаяся на аукционе тому, кто дал наилучшую цену. Они бы еще институт приданого возродили!

Я сразу же думаю о Купере – с двенадцати лет он был мне полным заменителем отца. Представляю себе, как он, сжимая мою руку, увлекает меня между гостями...

Потом вспоминаю вчерашние слова Купера. Неодобрение в его глазах, в его тоне.

Он тебя не знает, Хлоя. А ты – его.

Захлопнув компьютер, я отталкиваю его от себя вдоль дивана и бросаю взгляд на все это время негромко работавший телевизор. Внизу экрана сияет ярко-красная полоса: «СРОЧНОЕ СООБЩЕНИЕ». Я протягиваю руку к пульту и добавляю громкости.

«Полиция еще раз обращается за помощью к свидетелям, способным пролить свет на обстоятельства исчезновения Обри Гравино, пятнадцатилетней школьницы из Батон-Ружа, Луизиана. Об исчезновении Обри заявили три дня назад ее родители. В последний раз ее видели днем в среду, она в одиночестве возвращалась из школы через «Кипарисовое кладбище»».

На экране появляется фото Обри, и я вздрагиваю. Когда я училась в средней школе, мне казалось, что пятнадцать – это ужасно много. Это про совсем больших, взрослых. Я могла лишь мечтать обо всем том, что смогу делать, когда мне самой исполнится пятнадцать, – но в последующие годы мне пришлось осознать, какой это еще до боли юный возраст. Какая *она* еще юная, какие были они все... Обри кажется мне смутно знакомой – надо полагать, она напоминает мне всех остальных школьниц, которых я вижу на кушетке у себя в кабинете: худоба, свойственная лишь подростковому метаболизму, подведенные черным карандашом глаза, волосы, еще не знавшие краски, завивки и прочих малополезных вещей, которым по мере взросления подвергают себя женщины в попытках выглядеть помоложе. Я заставляю себя не думать о том, как она, вероятно, выглядит сейчас: бледная, неподвижная, холодная. Смерть делает людей старше, кожа становится серой, глаза тускнеют. Нельзя умирать в таком возрасте. Это противоестественно.

Обри на экране сменяется новым изображением: Батон-Руж, вид сверху. Взгляд немедленно устремляется туда, где находятся мой дом и офис: ближе к центру, рядом с Миссисипи. Поверх «Кипарисового кладбища», места, где Обри видели в последний раз, зажигается красная точка.

«Поисковые партии сейчас прочесывают кладбище, хотя родители Обри не теряют надежды, что их дочь жива».

Карта исчезает, начинается видеоизображение – мужчина и женщина, оба среднего возраста и с явными следами сильного недосыпания, стоят на возвышении в зале для прессы. Согласно подписи внизу экрана, это родители Обри. Мужчина, чуть в сторонке, молчит, а женщина, мать, умоляюще обращается к камере.

– Обри, деточка, – говорит она, – где бы ты сейчас ни была, знай – мы тебя ищем. Мы ищем, и мы тебя найдем.

Мужчина шмыгает, вытирает глаза рукавом, а губу под носом – тыльной стороной ладони. Погладив его по руке, она продолжает:

– Если Обри сейчас у вас или вы что-то знаете о ее местонахождении, умоляю вас – откликнитесь. Мы хотим, чтобы наша дочь вернулась домой.

Мужчина начинает рыдать, слышны тяжкие всхлипы. Женщина шагает вперед, не отрывая глаз от камеры. Как мне уже известно, в полиции настаивают именно на такой тактике. Смотреть в камеру. Говорить в камеру. Говорить *с ним*.

– Мы хотим, чтобы наша деточка вернулась домой.

Глава 8

Лина Родс была первой из девочек. Самой первой. С которой все началось.

Я ее прекрасно помню, и вовсе не так, как большинство вспоминают о безвременно ушедших юных женщинах. Как малознакомые соученики сочиняют якобы имевшие место события, как бывшие подруги постят в «Фейсбуке»² старые фото, копаются в приключившихся хохмах и совместных воспоминаниях, при этом тщательно скрывая, что уже не один год как перестали общаться.

Бро-Бридж помнит Лину исключительно по фотографии, выбранной для плаката с надписью «РАЗЫСКИВАЕТСЯ», словно это запечатленное во времени мгновение было для нее единственным в жизни. Единственным, которое что-либо значило. Никогда не смогу понять, как семейству удастся выбрать одно-единственное фото, заключающее в себе целую жизнь, целую личность. Слишком это должно быть страшно – задача одновременно очень важная и совершенно невыполнимая. Выбирая фото, ты выбираешь для нее то единственное мгновение, которое запомнит мир, – лишь это мгновение, и ничего больше.

Но я-то помню Лину. И вовсе не поверхностно, а по-настоящему. Помню разные ее моменты, хорошие и дурные. Помню ее достоинства и недостатки. Помню, какой она была на самом деле.

А была она громкой, вульгарной и ругалась так, как я от собственного отца слышала лишь однажды, когда тот в мастерской случайно отсек себе топором кончик пальца. Причем грязь, которой у нее был полон рот, совершенно не вязалась с внешностью, и это особенно завораживало. Лина была высокой и худой, с непропорционально большой для мальчишеской пятнадцатилетней фигуры грудью. Открытая, энергичная, соломенные волосы заплетены в две косы. Когда она шла по улице, на нее оглядывались, и она это знала; чужое внимание словно наполняло ее воздухом – а меня, наоборот, заставляло сдуться, – и под направленными на нее взглядами она как бы делалась ярче и выше ростом.

Мальчишкам она нравилась. Мне – тоже. Мало того, я ей завидовала. Лине завидовали все девочки в Бро-Бридже – до того жуткого утра вторника, когда ее лицо появилось в телевизоре.

И все же одно мгновение выделяется из всех прочих. Одно мгновение из жизни Лины. Мгновение, которое мне никогда не забыть, сколько ни старайся.

В конце концов, именно из-за него отец отправился в тюрьму.

* * *

Выключив телевизор, я некоторое время смотрю на свое отражение в мертвом экране. Все эти пресс-конференции одинаковы. Уж я-то их насмотрелась.

Ими всегда управляет мать. Мать держит эмоции под контролем. Мать говорит ровно и размеренно, а отец маячит на заднем плане, не в силах поднять голову, чтобы тот, кто похитил его дочь, успел заглянуть ему в глаза. Общество склонно предполагать, что все должно быть наоборот, что мужчина сохраняет контроль над собой, пока женщина беззвучно плачет, но это не так. И я знаю почему.

Потому что мужчины думают в прошедшем времени – меня научил этому Бро-Бридж. Научили отцы шести пропавших девочек. Они исполнены стыда и думают о том, что именно *сделали не так*. Им, мужчинам, положено быть защитниками. Они должны были обеспечить безопасность своих дочерей – и не сумели. Матери, напротив, думают в настоящем времени,

² 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

они разрабатывают план действий. Они не могут позволить себе думать о прошлом, поскольку прошлое уже не имеет значения и лишь отвлекает. Это напрасная трата времени. Думать о будущем они тоже не могут – будущее слишком страшно, слишком болезненно; если позволить сознанию туда забрести, есть риск, что оно не вернется обратно. Риск сломаться.

Вместо всего этого они живут сегодняшним днем. И думают о том, что можно сделать сегодня, чтобы завтра их ребенок вернулся домой.

Берт Родс, тот раскис напрочь. До того дня я никогда не видела, чтобы мужчины так рыдали, сотрясаясь всем телом с каждым из мучительных всхлипов. Прежде-то он выглядел довольно привлекательно: эдакий характерный для рабочего класса жизнерадостный типаж, бицепсы, от которых рубашка трещит, рельефный подбородок, загорелая кожа... Во время первого телеинтервью я его едва узнала. Глаза провалились внутрь черепа, утонув в двух красных колодцах, а сутулился он так, словно был не в силах удержать свой собственный вес.

Отца арестовали в конце сентября, почти через три месяца после того, как воцарился весь этот ужас. И в вечер ареста я почти сразу же подумала о Берте Родсе – раньше, чем о Лине, Робин, Маргарет, Керри и других девочках, пропавших тем летом. Помню, как наша гостиная осветилась красными и синими вспышками, как мы с Купером бросились к окну и устались наружу, а вооруженные люди уже вломились к нам в дверь с криками: «Не двигаться!» Помню отца в старом откидном кресле, протертом настолько, что кожа посередине сиденья больше напоминала мягкий фетр; он даже головы в их сторону не поднял. Как и на мать, бессильно всхлипывающую в углу. Помню шелуху от подсолнуховых семечек, которые он обожал, прилипшую к зубам, к ногтям, к нижней губе. Помню, как его тащили наружу – ореховая трубка выпала изо рта, перепачкав пол черной золой, а на ковре остался узкий след от просыпавшихся семечек.

Помню, как его взгляд, твердый и внимательный, встретился с моими глазами и задержался на них. Сперва с моими, потом с глазами Купера.

– Чтоб без глупостей, – сказал он.

Потом его вытащили наружу, на душный вечерний воздух, приложили головой о борт фургона, так что очки с толстыми стеклами протестующе хрустнули; огни полицейской мигалки окрасили его кожу в тошнотворный багрянец. Затем отца втолкнули внутрь и захлопнули за ним дверь.

Я видела, как он молча сидит в фургоне, глядя на разделительную металлическую сетку перед собой, совершенно не шевелясь; единственным заметным глазу движением была стекающая по переносице струйка крови, которую он даже не пытался вытереть. Я смотрела на него и думала о Берте Родсе. О том, легче ему будет или тяжелей, когда он узнает, кто забрал у него дочь. Конечно, речь о совершенно невозможном выборе, но будь он у Берта, что бы тот предпочел – чтобы убийца оказался полнейшим чужаком, вторгшимся в его город и его жизнь, или же знакомцем, не раз бывавшим у него в гостях? Его соседом и приятелем?

В последовавшие за тем месяцы я видела отца только по телевизору – очки в треснувшей оправе смотрят исключительно в пол, руки прочно скованы за спиной, кожа на запястьях красная и натертая. Уткнувшись носом в самый экран, я смотрела, как люди, высыпавшие на ведущую к зданию суда улицу с самодельными плакатами, на которых были нарисованы ужасные, отвратительные слова, шипели вслед отцу, когда его проводили мимо них.

Убийца. Извращенец. Чудовище.

На некоторых плакатах были лица девочек – те, что все лето не сходили с экранов в непрерывном потоке скорбных новостей. Девочек немногим старше меня самой. Я узнавала каждую из них, я запомнила черты их лиц. Я видела их улыбки, заглядывала им в глаза – когда-то живые и полные перспектив...

Лина, Робин, Маргарет, Керри, Сьюзен, Джилл.

Лица, бывшие причиной комендантского часа. Лица, из-за которых меня не выпускали одну на улицу после наступления темноты. Правило это претворял в жизнь отец, который лупил меня чуть ли не до синяков, стоило мне заявиться домой после заката или не закрыть на ночь окно в спальне. Он вселил в мое сердце чистый, беспримесный страх – обессиливающий ужас перед невидимкой, ответственным за те исчезновения. Перед тем, из-за кого от девочек остались лишь черно-белые изображения, приклеенные к кускам картона. Перед тем, кому было известно, где им довелось окончить жизнь и что осталось у них в глазах, когда она наконец их покинула.

Разумеется, когда отца арестовали, я уже все знала. С того самого момента, когда полиция вломилась к нам в дом, с момента, когда отец заглянул нам в глаза и прошептал: «Чтоб без глупостей». Сказать по правде, знала даже раньше, когда позволила головоломке сложиться. Когда заставила себя обернуться и посмотреть в лицо тому, кто, как я чувствовала, таился у меня за спиной. И все же главным был тот самый момент – я одна в гостиной, уткнувшись лицом в телевизор, мама медленно сходит с ума в спальне, Купер скукожился где-то на задворках и не показывается на глаза, – тот самый момент, когда я слушала звон кандалов у отца на ногах и смотрела, как его с ничего не выражающим лицом ведут из полицейской машины в тюрьму, или в суд, или обратно. Тот самый момент, когда тяжесть всего этого обрушилась на меня и погребла под обломками.

Поскольку это он был тем невидимкой.

Глава 9

Дом кажется мне одновременно слишком просторным и слишком тесным. Находясь внутри, я испытываю клаустрофобию, четыре стены давят, воздух затхл и несвеж. И в то же время я до невозможности одинока; здесь слишком много места, чтобы заполнить его безмолвными мыслями одной-единственной живой души. Мне хочется куда-то двигаться.

Поднявшись с дивана, я отправляюсь в спальню, где меняю слишком большой для меня халат на джинсы и серую футболку, завязываю волосы узлом на затылке и решаю отказаться от макияжа, лишь мазнув по губам бальзамом. Пять минут спустя я уже снаружи; стоит подошвам моих туфель на низком каблуке ступить на мощеную дорожку, как бешеное сердцебиение начинает утихать.

Я сажусь в машину, завожу мотор и на полном автопилоте выезжаю за пределы квартала, направляясь в центр. Протягиваю руку, чтобы включить радио, но она зависает в воздухе, пока я не возвращаю ее обратно на руль.

– Все в порядке, Хлоя, – говорю себе; в тишине внутри машины голос звучит болезненно громко. – Что тебя беспокоит? Попробуй проговорить вслух.

Побарабанив по рулю пальцами, включаю поворотник и решаю повернуть налево. Продолжая разговаривать с собой, словно с пациентом.

– Пропала девочка, – отвечаю я себе. – Местная, и это меня тревожит.

Будь это на приеме, мой следующий вопрос был бы: «Почему? Почему это тебя тревожит?»

Впрочем, причины очевидны. Пропала девочка. Пятнадцати лет. На расстоянии короткой пробежки от моего дома, моего офиса, моей жизни.

– Ты ее не знаешь, – говорю я громко. – Ты не знаешь ее, Хлоя. Это не Лина. Не кто-то из тех остальных. К тебе она не имеет никакого отношения.

Резко выдыхаю, сбрасываю скорость, поскольку впереди уже зажегся желтый, окидываю взглядом улицу. Мать переводит через дорогу маленькую дочку, крепко держа ее за руку; слева от меня катит на роликах кучка подростков, прямо передо мной бегут трусцой мужчина и его собака. Загорается зеленый.

– К тебе это не имеет отношения, – повторяю я, выезжаю на перекресток и сворачиваю направо.

Я ехала, особо не выбирая направления, но сейчас понимаю, что оказалась совсем рядом с офисом, в каких-то нескольких кварталах от манящих таблеток в ящике стола. Всего одна капсула отделяет меня от замедленного пульса и ровного дыхания, от огромной кожаной кушетки за прочно запертой дверью и опущенными шторами.

Я отгоняю прочь эти мысли.

У меня нет проблем. Я ни на что такое не подседа. Я не шляюсь по барам, чтобы напиться до беспамятства, не просыпаюсь по ночам в холодном поту оттого, что решила отказать себе в бокале мерло перед сном. Я могу днями, неделями, месяцами обходиться без таблеток, вина или еще какой-нибудь химии, нужной, чтобы приглушить страх, постоянно вибрирующий у меня в жилах: будто у тебя внутри тронули гитарную струну, заставившую дребезжать кости. Но я справляюсь. У всех моих расстройств, всех этих умных терминов – *бессонница*, *боязнь темноты*, *ипохондрия* – есть нечто общее, одинаковое для них и связующее их вместе обстоятельство, и называется оно *контроль*.

Я боюсь любых ситуаций, которые не могу контролировать. Я воображаю себе то, что может случиться со мной во сне, когда я беззащитна. То, что может незамеченным подкрасться во мраке. Невидимых убийц, способных удушить мои клетки, пока я даже не подозреваю об

опасности: воображаю себя пережившей то, что пережила, справившейся с тем, через что прошла, только ради того, чтобы умереть из-за невымытых рук или першащего горла.

Я воображаю Лину и то чувство полной потери контроля над происходящим, которое она ощутила, когда на ее горле сомкнулись руки и начали давить. Перекрытые дыхательные пути, пульсация в глазных яблоках; зрение сперва сделалось очень ярким, потом же наоборот, все тускнело и тускнело, пока она наконец не перестала что-либо видеть...

Аптечка – мой спасательный круг. Я знаю, что выписывать рецепты без медицинской необходимости неправильно; и не просто неправильно, а незаконно. Я рискую лишиться лицензии или даже сесть в тюрьму. Но каждому из нас нужен спасательный круг, тот плот неподалеку, когда чувствуешь, что начинаешь тонуть. Когда я чувствую, что теряю контроль, то знаю – мои союзники рядом и готовы исправить то во мне, что нуждается в исправлении. Чаще всего нервы успокаивает уже одна эта мысль. Однажды я посоветовала страдающей клаустрофобией пациентке класть в сумочку одну-единственную таблетку «Ксанакса» всякий раз, когда ей нужно лететь на самолете – ее наличия уже будет достаточно, чтобы вызвать мысленную реакцию, а следом и физическое облегчение. Я сказала ей, что таблетку, скорее всего, даже пить не придется; одного лишь знания, что спасение рядом, должно хватить, чтобы удушающая тяжесть ушла прочь.

Так оно и оказалось. Разумеется. Мне ли не знать.

Я уже вижу вдаль свой офис, старое кирпичное здание, выглядывающее из-за замшелых дубов. Кладбище от него в нескольких кварталах к западу; приняв решение, я сворачиваю в ту сторону и еду в направлении кованых ворот, манящих меня внутрь своей распахнутой пастью. Припарковавшись снаружи, выключаю зажигание.

«Кипарисовое кладбище». Место, где Обри Гравино в последний раз видели живой. Я слышу какой-то шум и вглядываюсь сквозь стекло: на некотором расстоянии отсюда территорию кладбища прочесывает поисковая партия, словно накинувшиеся на упавший кусочек мяса муравьи. Они пробиваются сквозь разросшуюся траву, обходя раскрошившиеся надгробия, топчут подошвами кроссовок выющиеся меж могил немощные тропки. Кладбище занимает больше двадцати акров, участок до невозможности огромный. Перспективы найти здесь что бы то ни было представляются в лучшем случае весьма туманными.

Я выхожу из машины, минуя ворота и потихоньку приближаюсь к поисковикам. На территории тут и там растут болотные кипарисы – символ штата Луизиана, давший название и кладбищу, – их толстые красноватые стволы похожи на жилистые конечности. Светлей, словно заросли неопрятной паутины, свисают пряди испанского мха. Поднырнув под полицейскую ленту, я изо всех сил делаю вид, что нахожусь на своем месте, стараясь при этом держаться подальше от полицейских и репортеров с фотоаппаратами на шее, что бесцельно бродят между волонтеров, пытающихся найти Обри.

Или *не* найти. Последнее, что ты хочешь отыскать, будучи в поисковой партии, это тело, или того хуже – отдельные его части.

В Бро-Бридже поисковые партии так и не нашли ни тел, ни их частей. Я умоляла маму разрешить мне побродить вместе с ними; я видела, как целыми толпами собираются люди, как им раздают фонарики, портативные рации и целые коробки бутылок с водой. Громогласный инструктаж – и все разбегаются по сторонам, словно комары от взмаха свернутой газеты. Разумеется, мама мне не разрешила. Пришлось сидеть дома и смотреть, как вдаль мигают искорки – это поисковики прочесывали казавшиеся бесконечными мрачные просторы заросших высокой травой пастбищ. Какое это беспомощное занятие – смотреть... И ждать. И не знать, что они найдут. Даже хуже, чем видеть поисковиков на твоём собственном дворе. Я не могла оторвать глаз от окна, пока полиция перебирала по камушку все десять акров нашего участка после того, как отца забрали в тюрьму. Но и у нас они ничего не нашли.

Нет, девочки все еще где-то там, а укрывающий их слой земли с каждым годом делается все толще. Во мне от одной мысли, что их никогда не найдут, все замирает, хоть я и понимаю, что теперь-то уже нет шансов. Дело тут даже не в том, что это несправедливо, что семьи никогда не узнают правды, даже не в том, что их мертвые тела разлагаются точно так же, как труп полевой крысы, который я однажды обнаружила под крыльцом, утрачивая человеческий облик вместе с кожей, волосами, клочьями одежды. От целой жизни остается лишь кучка костей, ничем не отличающихся от моих или ваших, да и от крысиных, по большому счету, тоже. Нет, заставляет меня просыпаться среди ночи, отчаянно цепляться за надежду, что их все же когда-нибудь отыщут, не это.

А осознание того, сколько безвестных тел может оказаться захоронено прямо у меня под ногами в любой произвольный момент времени – тел, о которых окружающий мир успел позабыть начисто.

Собственно, как раз сейчас у меня под ногами действительно захоронены тела. Множество тел. Но кладбище – это другое дело. Тела здесь аккуратно уложены, а не просто брошены. Они здесь для того, чтобы помнить, а не чтобы забыть.

– Кажется, я нашла!

Я оборачиваюсь влево, на женщину средних лет в белых кроссовках, штанах цвета хаки и большой, не по размеру, трикотажной футболке – по существу это неофициальная униформа озабоченного гражданина, намеренного присоединиться к поискам. Она стоит на коленях прямо на земле, сосредоточенно щурясь на что-то перед собой.левой рукой отчаянно машет остальным, правой судорожно сжимает рацию из тех, что продают в секции игрушек.

Я обвожу взглядом вокруг и понимаю, что в радиусе нескольких шагов от нас больше никого нет. Остальные приближаются, некоторые даже бегом, но я-то уже здесь. Делаю шаг поближе; женщина поднимает на меня взгляд, возбужденный и в то же время умоляющий, как если б ей хотелось, чтобы в находке обнаружился некий смысл, важное значение – и в то же время не хотелось бы. Отчаянно не хотелось.

– Гляньте, – она делает приглашающий жест. – Гляньте-ка вот сюда.

Я делаю еще шаг, выгибаю шею – и когда мое зрение фокусируется на вдавленном в грязь предмете, меня словно бьет электричеством. Ничего не соображая, я протягиваю руку – совершенно рефлекторно, словно меня молоточком по коленке ударили – и подбираю его с земли. Подбегает запыхавшийся полицейский.

– Что там? – спрашивает он, нависнув надо мной. У него странно сдавленный голос, словно воздух приходится пробиваться сквозь заросли мокроты. Не умеет носом дышать. При виде того, что у меня на ладони, он выпучивает глаза. – Только, бога ради, не прикасайтесь!

– Простите, – говорю я, протягивая ему находку. – Простите, я... я не подумала. Это сережка.

Женщина укоризненно смотрит на меня, а полицейский тоже опускается на колени – я слышу хрипы у него в легких – и выставляет одну руку в сторону, давая остальным знак, что приближаться не следует. Затянутой в перчатку рукой он берет с моей ладони сережку и рассматривает ее. Маленькая, серебряная, три бриллианта сверху образуют перевернутый треугольник, с его вершины свисает единственная жемчужина. Красивая – я бы обратила на нее внимание в витрине ювелира. Для пятнадцатилетней школьницы пожалуй что слишком красивая.

– Хорошо, – говорит полицейский, отводя рукой прядь волос с потного лба; кажется, он стал чуть меньше размером. – Хорошо, это уже что-то. Мы приобщим ее к уликам, но не надо забывать, что мы находимся в общественном месте. Здесь тысячи могил, а значит, сотни посетителей ежедневно. Сережку мог обронить кто угодно.

– Нет, – женщина качает головой, – не кто угодно. Это сережка Обри.

Сунув руку в карман штанов, она достает оттуда сложенный вчетверо листок бумаги. Разворачивает его – это листовка «РАЗЫСКИВАЕТСЯ» с изображением Обри. Я узнаю его – точно такое же висело сегодня утром передо мной в телевизоре. Единственное фото, заключающее в себе целую жизнь. Обри широко улыбается, ее веки подведены черным карандашом, розовая помада блестит от света фотовспышки. Фотография обрезана чуть ниже шеи, но я вижу, что на ней цепочка, которую я раньше не заметила, цепочка с удобно устроившимся в ямке между ключицами кулоном – три бриллианта и жемчужина. И повыше, в мочках ушей под густыми, зачесанными назад каштановыми волосами, – такие же сережки.

Глава 10

Добрым нравом Лина не отличалась, но ко мне относилась по-доброму. Я не собираюсь приукрашивать факты и выдумывать для нее оправдания. Она была той еще чертовкой, занозой в общественной заднице и, похоже, прямо-таки кайфовала, когда другие чувствовали себя неуютно в ее присутствии и избегали смотреть ей в глаза. С чего бы еще пятнадцатилетке надевать в школу вызывающе подчеркивающие грудь лифчики и, намотав кончик косы на палец с обгрызленным ногтем, демонстративно прикусывать краешек пухлой губы? Женщина в теле ребенка, или же ребенок в теле женщины, – казалось, годятся оба описания. Одновременно слишком зрелая и слишком юная – возрасту не соответствовала ни ее фигура, ни мозги. Однако были в ней отдельные черты, скрытые где-то глубоко под слоями макияжа и облаками сигаретного дыма, окутывавшего ее каждый день после школьного звонка, – они напоминали тебе, что это просто девочка. Одинокая, запутавшаяся сама в себе девочка.

Конечно, когда мне самой было двенадцать, я их не замечала. Мне она всегда казалась очень взрослой, даже несмотря на то, что с моим братом они были одногодками. Купер-то на взрослого похож не был – с его постоянной отрыжкой, игровой приставкой и коллекцией непристойных журнальчиков, которые он прятал за отошедшей половицей под кроватью у себя в спальне. Никогда не забуду тот день, когда я их там обнаружила – я-то рассчитывала найти у него в комнате спрятанные деньги... Хотела купить себе тени для глаз, такие бледно-розовые, я их у Лины видела. Мама отказывалась покупать мне косметику, пока я не перейду в старшие классы, но мне их очень хотелось. Так сильно, что ради них я была готова на кражу. Вот так и забралась в комнату к Куперу, отвела скрипучую половицу – и первое, что увидела, была пара сисек. Мне как пощечину отвесили; я отдернулась так резко, что чуть не расшибла затылок о низ кровати. И сразу же все рассказала отцу.

В тот год фестиваль раков пришелся на самое начало мая, словно пролог к целому лету. Было уже жарко, но не слишком. По меркам большинства непривычных к такому штатов – очень даже жарко, но *по-луизиански* – сущая ерунда. Настоящая жара здесь наступает ближе к августу, когда влажное дыхание болот каждое утро плывет по городским улицам, словно грозовые тучи, ищущие, куда бы им пролиться с наибольшей пользой.

К августу пропадут уже три девочки из шести.

Я склонна упоминать Бро-Бридж с иронией – *ай-ай, мировая столица раков*, – но ежегодным фестивалем действительно можно гордиться. На тысяча девятьсот девяносто девятый год пришелся мой последний фестиваль раков, но он-то и оказался для меня круче всех остальных. Помню, как я бродила по ярмарке, одна, сама по себе, впитывая кожей звуки и запахи Луизианы. Из динамиков на сцене льется наша местная, «болотная» поп-музыка – и аромат раков, которых готовят вокруг всевозможнейшими способами: раки вареные, печеные, раковый суп, раковые сосиски. Меня занесло было на рачьи бега, но тут моя голова резко дернулась вправо – среди кучки ребят рядом с отцовской машиной я заметила каштановую шевелюру Купера. В те дни он постоянно был окружен компанией – тут мы с ним были прямой противоположностью. Приятели увивались вокруг него, тянулись следом, словно облака мошкары во влажную погоду. Он же, похоже, не имел ничего против. В известном смысле *толпа* сделалась частью его самого. Случалось, что Куп раздраженно от них отмахивался. Они тут же послушно рассеивались, находили кого-то еще, чтобы его облепить. Но длилось это недолго – они всякий раз возвращались обратно.

Брат, похоже, почувствовал мой взгляд, поскольку вскоре поверх голов приятелей обнаружили его глаза, встретившиеся с моими. Я со смущенной улыбкой помахала ему рукой. Я была не против одиночества, честное слово, не против – но не переносила того, как это воспринимали остальные. В первую очередь Купер. Он тут же принялся проталкиваться сквозь

приятелей мне навстречу, а когда какой-то задохлик попытался за ним последовать, остановил его небрежным движением руки. Подойдя, обнял меня за плечо.

– Забьемся на попкорн, что победит номер семь?

Я улыбнулась, благодаря его за компанию – и за его манеру словно не обращать внимания, что большую часть жизни я провожу одна.

– Принято!

Мое внимание вернулось к ракам – забег должен был вот-вот начаться. Помню, как распорядитель заорал по-французски: «Пошли!», как взревела толпа и как придонные создания, пощелкивая всеми сочленениями, устремились к финишной черте, намалеванной на противоположном конце трехметровой доски. Через какие-то несколько секунд выяснилось, что Купер выиграл, а я, соответственно, проиграла, так что мы направились к ближайшему ларьку, чтобы рассчитаться.

Я стояла в очереди, счастливая, как никогда. Наступающее лето сулило столько замечательного, словно у меня прямо под ногами раскатывали сейчас вдаль красную ковровую дорожку такой длины, что она казалась бесконечной. Купер ухватил пакетик с попкорном, закинул в рот одно зернышко и принялся обсасывать соль, я тем временем расплачивалась. Потом мы оба развернулись – и обнаружили перед собой Лину.

– Привет, Куп. – Улыбнувшись ему, она перевела взгляд на меня. В руках Лина держала бутылку «Спрайта» и пальцами то закручивала, то откручивала пробку. – Привет, Хлоя.

– Привет, Лина.

Моего брата все знали – популярный спортсмен, член школьной сборной Бро-Бриджа по борьбе. Его многие звали по имени, и меня всегда поражало, как он ухитряется заводить друзей с той же естественностью, с которой я нахожусь с собой наедине. С выбором компании Купер тоже особенно не заморачивался – сегодня тусуется с приятелями-борцами, а завтра остановится потрепаться с кучкой каких-нибудь торчков. Впечатление было по большей части такое, что его внимание заставляет других почувствовать себя важными птицами, словно в них тоже найдется что-то редкое и ценное.

Лина тоже была популярной, но совсем по другой причине.

– Глотнуть не хочешь?

Я вгляделась в нее – плоский животик выглядывает из-под плотно облегающей блузки размера на два меньше, чем нужно, так что пуговицы сверху расходятся и видно ложбинку между грудями. На животе что-то сверкнуло – колечко в пупке, – и я тут же резко задрала подбородок, чтобы не подумали, будто я таращусь. Улыбнувшись мне, Лина поднесла бутылку к губам. Я увидела, как по подбородку катится капля; она утерла ее пальцем.

– Нравится? – подтянув кофточку еще выше, покрутила бриллиант между пальцев. Под ним болталась подвеска – что-то вроде жука. – Светлячок, – пояснила Лина, словно прочитав мои мысли. – Обожаю их. Он у меня в темноте светится.

Сложив ладони горкой вокруг живота, она кивнула мне, приглашая посмотреть. Что я и сделала, упершись лбом ей в руки. Жучок внутри ярко сиял неоновозеленым светом.

– Я люблю их ловить, – заявила она, глядя сверху вниз на собственный живот. – И в банку сажать.

– Я тоже люблю, – сказала я, продолжая глядеть в щель между пальцев. Мне вспомнились те светлячки, которыми по вечерам кишели наши деревья, и как я бегу сквозь мрак, отмахиваясь от них, словно плыву через звездное море.

– А потом достаю оттуда и давлю между пальцами. Ты знаешь, что можно этим их светом свое имя на тротуаре написать?

Я скривилась: казалось невозможным даже вообразить себе, что давишь жука и тот со щелчком лопается. И одновременно в этом заключалось что-то крутое – растереть его сок между пальцами, поднести их к лицу и смотреть, как они светятся.

– На нас смотрят, – сказала вдруг Лина и убрала руки.

Быстро подняв голову, я проследила направление ее взгляда – прямо к собственному отцу. Он и правда пристально смотрел на нас с другой стороны толпы. Смотрел на Лину, на ее блузку, задранную вверх до самого лифчика. Она улыбнулась и помахала ему свободной рукой. Быстро опустив голову, отец двинулся куда-то дальше.

– Так что, – сказала Лина, протянув Куперу бутылку «Спрайта» и как следует взболтнув ее, – глотнуть не желаешь?

Он тоже скосил глаза туда, где только что был отец, но обнаружил там не его внимательный взгляд, а лишь пустое место. Тогда Купер взял у Лины бутылку и сделал поспешный глоток.

– Я тоже буду, – сказала я, выдернув бутылку у него из рук. – Здорово пить охота.

– Хлоя, это не...

Но предупреждение брата запоздало: я уже поднесла бутылку к губам, жидкость потекла мне в рот и дальше, в горло. Я не то чтобы глоточек сделала, а отхлебнула как следует. Отхлебнула чего-то, по вкусу больше всего напоявшего аккумуляторную кислоту; мне обожгло весь пищевод до самого желудка. Поспешно убрав бутылку ото рта, я рыгнула, чувствуя, что содержимое желудка устремляется обратно в горло. Надув щеки и уже давясь, все же совладала с тошнотой, заставила жидкость провалиться вниз и наконец обрела способность дышать.

– Уф. – Закашлялась, вытерла рот тыльной стороной ладони. – Что это было-то?

Хихикнув, Лина отобрала у меня бутылку и допила все содержимое. Меня поразило, что она как будто воду глотала.

– Это водка, дурочка. Никогда водку не пробовала?

Купер, глубоко засунув руки в карманы, огляделся вокруг. И ответил за меня, поскольку я говорить не очень-то могла:

– Нет, она не пробовала. Ей всего двенадцать.

Лина безмятежно пожала плечами:

– Когда-то ведь надо начинать.

Купер сунул мне попкорн, и я сразу закинула в рот целую горсть, надеясь зажевать ужасный привкус. Я чувствовала, как огонь стекает от горла к желудку и полыхает там, собравшись лужей на дне. Чуть закружилась голова; ощущение было странным, но вроде как приятным. Я улыбнулась.

– Вот видишь, ей понравилось, – сказала Лина, глядя на меня. И тоже мне улыбнулась. – Неплохо ты так глотнула... Для двенадцати лет так и вообще круто вышло.

Потом подтянула блузку пониже, прикрыв кожу и светлячка, закинула косы за плечи и развернулась на пятках балетным пируэтом, когда в движение приходит все тело целиком. Когда она зашагала прочь, я не могла оторвать от нее глаз – от того, как ее бедра качаются в унисон с косами, от ее ног, худых, но с подчеркнутыми мускулами.

– Покатал бы меня как-нибудь на машине, что ли, – прокричала Лина, обернувшись и помахав нам бутылкой.

Я так и не протрезвела почти до самого вечера. Поначалу Купер вроде как злился – на меня, на мою глупость, мою наивность. На мой заплетающийся язык, манеру невпопад хихикать и натекаться на фонарные столбы. Ему пришлось оставить друзей ради того, чтобы за мной – *пьяненькой* – приглядывать, но мне-то откуда было знать, что там алкоголь? Я и понятия не имела, что в бутылке со «Спрайтом» может оказаться спиртное.

– Расслабься уже, – посоветовала я ему, спотыкаясь о собственные ноги.

Подняв глаза, увидела, что он смотрит на меня сверху вниз с шокированным выражением на лице. Сперва решила, что он вот-вот взорвется, и уже пожалела о сказанном. Но тут его плечи расслабились, лицо расплылось в улыбке, и брат расхохотался. Когда он погладил меня по волосам и покачал головой, я почувствовала, как мою грудь распирает что-то вроде

гордости. Потом Купер купил мне раковый сэндвич – и лишь вытаращил глаза, когда я умяла его в один присест.

– Весело сегодня было, – сказала я ему, когда мы, держась за руки, возвращались к машине. Пьяной я себя уже не чувствовала, скорее сонной. Уже темнело, наши родители давно ушли, оставив нам двадцать долларов на ужин, поцеловав меня в лоб и наказав вернуться не позже восьми. Купер, который только что получил водительские права, при их виде велел мне молчать, чтобы заплетающийся язык меня не выдал. Вот я и молчала. Молчала и смотрела. Как мама непрерывно щебечет: «какой удачный выдался год», и «господи, как ноги-то гудят», и «пошли уже, Ричард, дети сами справятся». Как у нее щеки покраснелись, как оборки платья развеваются на ветру. У меня снова стало распирать грудь, но уже не от гордости. А от радости и любви. Любви к моим маме и брату.

Потом я бросила взгляд на отца – и тут же сдулась. Казалось, он был... где-то еще. Озабочен. Отвлечен на что-то, происходящее не рядом с нами, а внутри, у него в голове. Я старалась не дышать слишком глубоко, опасаясь, что он почувствует запах водки. «Интересно, – подумала я, – он видел, как Лина дала нам бутылку? Он ведь смотрел тогда на нас. На нее».

– Надо полагать, весело, – согласился Купер, улыбнувшись мне. – Вот только смотри, чтобы у тебя в привычку не вошло.

– Что – не вошло?

– Сама знаешь что.

Я наморщила брови:

– Сам-то ты тоже пил.

– Я старше, мне можно.

– Лина сказала, что когда-то все равно нужно начинать.

Купер покачал головой:

– Не надо слушать Лину. Ты ведь не хочешь стать такой, как она?

Конечно же, я хотела. Хотела стать такой, как Лина. Хотела обрести ее уверенность, ее блеск, ее настрой. Она была вроде той бутылки от «Спрайта»: снаружи на вид одно, внутри же совсем другое. Опасное, словно отраву. И одновременно притягательное, освобождающее.

Помню, как, добравшись до дома тем вечером, я смотрела на светлячков под деревьями. Они мигали, словно небесные созвездия, точно так же, как и всегда. Только той ночью все казалось другим. И *светлячки* тоже. Помню, как поймала одного рукой, как он трепыхался у меня в ладони, пока я неслась его в дом, а там осторожно посадила в стакан и затянула сверху прозрачным пластиком. Проколола крошечные дырочки для воздуха и потом не один час смотрела, как искорка сверкает, заточенная во мраке – а я лежала у себя в спальне под одеялом, размеренно дышала и думала о ней.

То, как выглядела и вела себя Лина в тот день, глубоко запало мне в память. Как у нее распушились кончики волос – когда воздух сделался влажным, вокруг ее головы словно зажегся светлый ореол. Как она дразнила окружающих, покачивая бутылкой, и бедрами – и пальчиками, когда помахала моему отцу. Какая у нее была прическа, какая одежда, а больше всего запомнила светлячка у нее в пупке – как тот светился в темноте, когда она закрыла его ладонями и пригласила меня взглянуть.

Поэтому я его сразу же узнала, когда увидела снова, – четыре месяца спустя, в шкафу у отца.

Глава 11

В том, что нашлась сережка Обри, хорошего мало. При одном лишь виде украшения, втопанного в кладбищенскую грязь, у меня кровь в жилах застыла; всю поисковую партию тоже словно накрыло противопожарным брезентом, притушив огонь активности, которым минуту назад было охвачено кладбище. Все чуть опустили плечи, чуть повесили головы.

Я же вспомнила Лину.

С кладбища я направилась напрямиком в офис, сил все это выносить уже не было. Особенно звуки – вопли цикад, шуршание подошв по сухой траве, то, как поисковики время от времени сморкаются и сплевывают, жужжание комаров, прерываемое хлопком ладони о кожу. Когда полицейский аккуратно упаковал находку в пластиковый пакет и удалился, женщина в штанах цвета хаки, похоже, решила, что теперь мы с ней – команда. Поднявшись из своей жабьей позы на корточках, она уперла руки в бедра и выжидающе уставилась на меня, словно моей обязанностью теперь было указать место, где нам удастся обнаружить очередную улику. А я в этот миг почувствовала себя самозванкой, которой не следует здесь находиться. Словно играла роль в каком-то фильме, изображая из себя ту, кем на самом деле не являлась. Так что я без единого слова просто развернулась и зашагала прочь. Ощущая на своей спине ее взгляд, пока не села в машину и не тронулась, да и после того никак не отпускало чувство, будто за мной следят.

Припарковавшись рядом со зданием офиса, я лихорадочно взбираюсь по лестнице, втыкаю ключ в замок, проворачиваю, толкаю дверь. Включаю свет в пустом предбаннике и прохожу в кабинет; руки слегка трясутся, но с каждым шагом, приближающим меня к столу, все меньше и меньше. Я сажусь в кресло, выдохнув, наклоняюсь вбок и выдвигаю нижний ящик. Груда пузырьков умоляюще взирает на меня; каждый надеется, что я выберу именно его. Прикусив изнутри щеку, я внимательно их разглядываю. Берусь за один, потом за другой, сравниваю между собой и наконец останавливаю выбор на миллиграммовой дозе «Ативана». Изучаю маленькую пятиугольную таблетку у себя на ладони, ее словно припудренную белизну, рельефную букву «А». Доза совсем маленькая, успокаиваю я себя. Ровно настолько, чтобы тело окутало ощущение покоя. Закинув таблетку в рот, я проглатываю ее насухо и закрываю ящик ногой.

Задумчиво поворачиваюсь в офисном кресле. Взгляд падает на телефон – на нем мигает красный огонек. Одно голосовое сообщение. Включив громкую связь, я слушаю заполнивший кабинет знакомый голос.

«Доктор Дэвис, это Аарон Дженсен из «Нью-Йорк таймс». Мы недавно с вами разговаривали, и я, понимаете, и в самом деле был бы очень благодарен, если б у вас нашелся часок для разговора. Статья будет опубликована в любом случае, но я все же хотел бы дать вам возможность высказать свою точку зрения. Можете перезвонить мне прямо по этому номеру».

Пауза, но я слышу, как он дышит. Задумался.

«Я и с вашим отцом намерен связаться. Подумал, что вам, может быть, важно это знать».

Звук опускаемой трубки.

Я оседаю в кресле. Последние двадцать лет я изо всех сил избегаю своего отца во всех смыслах этого слова. Избегаю говорить с ним, думать о нем, говорить о нем. Сперва, сразу после его ареста, это было нелегко. Нас преследовали, появлялись у нас под окнами по вечерам, выкрикивая оскорбления и размахивая плакатами, словно мы тоже каким-то образом участвовали в убийствах юных невинных девочек. Словно знали о них, но закрывали глаза. Наш дом забрасывали яйцами, у отцовского грузовичка, все еще припаркованного у входа, порезали шины, а на боку написали красной краской с потеками из баллончика «ИЗВРАЩЕНЕЦ». В

спальне мамы ночью кто-то разбил камнем окно, ее всю засыпало стеклом. В новостях только об этом и говорили – серийным убийцей из Бро-Бриджа оказался Дик Дэвис.

Слова-то какие: *серийный убийца*... Очень официально. Почему-то я даже не думала об отце как о серийном убийце, пока не обнаружила в газетах эти слова применительно к нему крупным шрифтом. Для отца, тихого человека с мягким голосом, такое определение казалось слишком суровым. Это он учил меня ездить на велосипеде, а сам бежал рядом, сжимая руками руль. Когда он наконец отпустил его, я тут же врезалась в забор, прямо в деревянный столб; щеку обожгло жгучей болью. Помню, как он подбежал, подхватил меня на руки; помню, как прижал теплую влажную салфетку к порезу у меня под глазом. Рукавом вытер мне слезы, поцеловал спутанные волосы, потуже затянул ремешок шлема и сказал, чтобы я попробовала еще разок. Отец укладывал меня спать по ночам, рассказывал мне сказки, которые сам же и сочинял, оставлял себе карикатурные усы, когда брился, просто чтобы видеть, как я хохочу, когда он выйдет из ванной, – и притворялся при этом, будто не понимает, отчего я уткнулась в диванную подушку и заливаюсь так, что слезы по щекам бегут. Разве такой человек может быть *серийным убийцей*? Серийные убийцы ведь ничего такого не делают... или все же делают?

Делают, и он им был. Он убил тех девочек. Он убил Лину.

Помню, как отец смотрел на нее в тот день на фестивале – вперив взгляд в пятнадцатилетнее тело, словно волк в умирающую дичь. Я всегда думала, что именно в тот момент все и началось. Иногда я даже себя виню – она ведь тогда со мной разговаривала. Для меня задрала блузку, чтобы показать кольцо в пупке. Не будь меня там, разве отец увидел бы ее *такой*? Так о ней подумал? Она несколько раз заходила к нам тем летом, чтобы отдать мне кое-какую ненужную одежду или подержанные музыкальные диски, и всякий раз, когда отец заглядывал ко мне в комнату и заставал ее лежащей пузом вниз на дощатом полу, дрыгая ногами и выпятив попку в рваных джинсовых шортах, он останавливался. Смотрел. Потом, кашлянув, выходил.

Суд показывали по телевизору – я знаю, потому что сама смотрела. Сперва мама нам не разрешала, мне и Куперу, выгоняла нас прочь, если нам случалось забрести в гостиную и застать ее скрючившейся на полу, носом в самый экран. «Это не для детей, – говорила она. – Идите снаружи поиграйте, воздухом подышите». Она вела себя так, словно это был просто фильм с возрастным ограничением, а не суд над нашим отцом по обвинению в убийствах.

Но настал день, когда и это переменялось.

Помню, как резко прозвучал дверной звонок, как его звук разнесся по нашему погруженному в постоянное молчание дому, отдался резонансом в напольных часах-ходиках – у меня от этого жестяного дребезжания мурашки по коже побежали. Мы побросали все то, чем занимались, и уставились на дверь. Гостей у нас давным-давно не было – а те, что все же заглядывали, не снисходили до подобных вежливых формальностей. Об их появлении возвещали вопли, ударяющиеся в стены предметы – но хуже всего были те, кто не производил никаких звуков. Мы уже не раз обнаруживали, что наш двор испещрен незнакомыми отпечатками подошв – кто-то чужой прокрадывался сюда ночами, подвижный болезненным любопытством, и заглядывал в окна. Мне из-за этого казалось, что мы превратились в коллекцию уродцев за стеклом музейной витрины – одновременно притягательную и отталкивающую. Помню, как я наконец его поймала – шла себе по тропинке и увидела у окна чей-то затылок; его обладатель вглядывался внутрь, уверенный, что дома никого нет. Я кинулась на него, успев разве что рукава засучить, влекомая адреналином и слепой ненавистью.

– *ТЫ КТО ТАКОЙ?* – заорала я, сжимая кулачки. Меня так достала наша жизнь, сделавшаяся всеобщим достоянием! Нас уже как людей, настоящих живых людей, перестали воспринимать.

Он резко обернулся, выпучив глаза и выставив навстречу ладони, будто ему и в голову до сих пор не приходило, что в доме кто-то живет. Оказалось, это совсем молоденький парнишка. Если и старше меня, то ненамного.

– Никто, – пробормотал он, заикаясь. – Просто никто.

Мы так ко всему этому привыкли – к вторжениям, подглядываниям, телефонным звонкам с угрозами, – что когда кто-то вежливо позвонил в дверь, нам показалось чуть ли не куда страшней выяснить, кто же это там, за толстой панелью из кедра, терпеливо ждет, чтобы его пригласили войти.

– Мама, – сказала я наконец, переводя взгляд от входной двери на нее. Она сидела у кухонного стола, запустив пальцы в уже начавшие редеть волосы. – Ты открывать думаешь?

Она озадаченно взглянула на меня, будто я говорила на иностранном языке, так что слов не разобрать. Казалось, она меняется с каждым днем: морщинки все глубже врезаются в теряющую упругость кожу, тени под красными усталыми глазами делаются отчетливей. В конце концов она молча встала и заглянула в круглое окошко посередине двери. Скрип дверных петель и ее тихий, изумленный голос:

– Вы, Тео? Здравствуйте. Заходите.

Теодор Гейтс – адвокат, защищавший моего отца. Он прошел внутрь, ступая тяжело и медленно. Помню его сверкающий кожаный портфель, массивное обручальное кольцо на пальце. Он сочувственно мне улыбнулся, но я лишь скорчила рожу. Я вообще не могла понять, как он спать-то ночами может, если взялся защищать моего отца после всего, что тот сделал.

– Кофе не желаете?

– С удовольствием, Мона. Большое вам спасибо.

Мама проковыляла на кухню, брякнула о кухонный стол керамическая кружка. Кофейник простоял нетронутым уже трое суток, но она наполнила из него кружку и принялась рассеянно помешивать ложечкой, хотя сливки налить забыла. Потом вручила кофе мистеру Гейтсу. Тот отпил глоточек, чуть кашлянул, поставил кружку на стол и аккуратно отодвинул от себя мизинцем.

– Послушайте, Мона. Есть определенные новости. И я хотел бы сообщить вам их первым.

Она ничего не ответила – просто глядела в окошко над кухонной раковиной, уже затянутое зеленой плесенью.

– Я договорился, что ваш муж признает вину. На очень хороших условиях. Он согласен.

Тут она резко вздернула голову, словно его слова рассекли резиновую ленту, туго натянувшуюся вдоль ее шеи.

– В Луизиане есть смертная казнь, – уточнил он. – Мы не можем рисковать.

– Дети, марш наверх!

Она глянула на нас с Купером – мы так и сидели на ковре в гостиной, а я ковыряла пальцами горелую дыру в месте, куда упала отцовская трубка. Мы послушно поднялись, молча, бочком пересекли кухню и поднялись по лестнице. Оказавшись рядом со спальнями, громко захлопнули двери, после чего на цыпочках подкрались обратно к перилам. Уселись на верхней ступеньке и стали слушать.

– Вы же не думаете, что они могут приговорить его *к смерти*, – произнесла мама чуть ли не шепотом. – Улик-то почти никаких. Ни орудия убийства, ни тел.

– Улики есть, – возразил он. – Вы и сами знаете. Вы их видели.

Она вздохнула, потом заскрежетал по полу кухонный стул – мама подвинула его ближе к столу и тоже присела.

– И вы думаете, их достаточно для... казни? Мы ведь с вами, Тео, о *смертном приговоре* говорим. Это дело необратимое. Они должны быть совершенно уверены, без каких-либо поводов для сомнений...

– Мы говорим о шести убитых девочках, Мона. *О шести*. У вас дома обнаружены фактические улики, а свидетели подтверждают, что в дни, непосредственно предшествующие исчезновению, Дика видели рядом по меньшей мере с каждой второй из них. Но теперь, Мона, еще и разговоры пошли. Вы наверняка их тоже слышали. О том, что Лина была не первой.

– Это все высосано из пальца, – ответила она. – Нет никаких свидетельств в пользу того, что та девочка – тоже его работа.

– У той девочки есть имя, – отрезал мистер Гейтс. – Вы могли бы его и назвать. Тара Кинг.

– Тара Кинг, – прошептала я, прислушиваясь, как оно звучит у меня на губах. Про Тару Кинг я никогда не слышала.

Купер резко вытянул руку и вцепился мне в локоть.

– Хлоя, – прошипел он мое собственное имя, – *помолчи*.

В кухне повисла тишина – мы с братом уже затаили дыхание, ожидая, что мама сейчас появится внизу лестницы. Но она заговорила снова. Не расслышала, наверное.

– Тара Кинг убежала из дома, – проговорила мама. – Сама сказала родителям, что хочет уйти. Оставила записку, и было это чуть ли не за год до того, как все началось. Не вписывается в картину.

– Мона, это ничего не значит. Она все еще не нашлась, никто о ней ничего не слышал, а у присяжных уже кончается терпение. Рассуждать они не способны, эмоции бьют через край.

Мама замолкла, не желая ничего отвечать. Заглянуть в кухню я не могла, но способна была вообразить всю картину – как она сидит, плотно скрестив руки на груди, а ее взгляд где-то блуждает, забираясь все дальше и дальше. Мы уже начали тогда терять свою маму, и процесс этот все ускорялся.

– Понимаете, все очень нелегко. Когда дело уже превратилось в сенсацию, – пояснил Тео. – Его лицо постоянно в телевизоре. Люди уже все для себя решили, их не переспоришь.

– Поэтому вы хотите, чтобы он сдался.

– Я хочу, чтобы он остался жив. Если признать вину, прокурор не будет требовать смертной казни. Выбора у нас нет.

В доме снова сделалось тихо – так тихо, что я начала беспокоиться, как бы они не услышали нашего дыхания, пусть медленного и затаенного, мы ведь были совсем рядом.

– Если у вас нет чего-то еще, от чего я бы мог отталкиваться, – добавил адвокат. – Чего-то такого, о чем вы мне до сих пор не сказали.

Я еще больше затаила дыхание, изо всех сил вслушиваясь в оглушительную тишину. Бешено колотилось сердце, отдаваясь в голове, в глазах.

– Нет, – наконец обреченно сказала мама. – Больше ничего нет. Вам известно все.

– Что ж, – вздохнул Тео, – я так и думал. И вот еще что, Мона...

Теперь я представила себе, как мама смотрит на него со слезами на глазах. Отказавшись от сопротивления.

– Частью сделки было его согласие показать полиции, где спрятаны тела.

И опять тишина – теперь уже оттого, что никто из нас не мог вымолвить ни слова. Поскольку когда Теодор Гейтс покинул в тот день наш дом, все мгновенно переменялось. Отец уже не считался виновным, он *был* виновен. И признал это – не только перед присяжными, но и перед нами. И мама постепенно оставила всякие усилия. Ей сделалось все равно. День проходил за днем, а ее глаза все тускнели, превращаясь в две стекляшки. Она перестала покидать дом, потом – спальню, потом – кровать, и нам с Купером никто не мешал сидеть, уткнувшись носами в экран. Отец признал вину, и когда наконец передали репортаж с вынесения приговора, мы смотрели его от начала и до конца.

– Почему вы это сделали, мистер Дэвис? Почему вы убили этих девочек?

Отец глядел себе на колени, не поднимая глаз на судью. В зале было тихо, все затаили дыхание, ожидание тяжело повисло в воздухе. Казалось, он задумался над вопросом, старательно ищет ответ, пережевывая все в собственной голове, словно впервые за все время действительно озадачился этим словом – *почему*.

– Это все мрак у меня внутри, – ответил он наконец. – Мрак, который пробуждается по ночам.

Я глянула на Купера, надеясь прочитать в его лице какое-то объяснение, но он, словно замороженный, не отрывал взгляда от телевизора. Я тоже вернулась к экрану.

– Какой именно мрак? – уточнил судья.

Отец лишь покачал головой, в уголке его глаза появилась единственная слезинка и скатилась вниз по щеке. Было так тихо, что я, клянусь, расслышала звук, с которым слеза упала на стол.

– Я не знаю, – ответил он тихо. – Не знаю. Но он такой могучий... Я не мог ему противостоять. Я пытался, и довольно долго. Очень долго, очень. Но я больше не мог.

– Вы хотите сказать, что убивать девочек вас заставлял *мрак*?

– Да. – Он кивнул. Теперь уже все его лицо было в слезах, под носом показались сопли. – Да, это он. Слово тень. Огромная тень, всегда в углу комнаты. Любой комнаты. Я старался держаться подальше, старался оставаться на свету, но больше уже не мог. Он засосал меня и проглотил целиком. Иногда мне кажется, что это был сам дьявол.

В этот миг я осознала, что никогда раньше не видела отца плачущим. За те двенадцать лет, что мы прожили под одной крышей, он и слезинки не уронил в моем присутствии. Наверное, когда родители плачут, положено испытывать боль, места себе не находить. Помню, когда умерла моя тетя, я влетела в родительскую спальню и застала маму плачущей в постели. Когда она подняла голову, на подушке остался отпечаток ее лица – следы от слез, соплей и слюны будто изобразили на ткани комичную рожицу. Сцена была шокирующей, словно не от мира сего – пятна у мамы на коже, покрасневший нос, и то, как она попыталась отвести в сторону прилипшие к щеке мокрые волосы и улыбнуться мне, будто ничего не случилось. Помню, как я ошарашенно застыла у входа, потом медленно попятилась назад и закрыла дверь, не произнеся ни единого слова. Но, увидев в телевизоре плачущего отца – слезы собрались в лужицу над верхней губой, потом потекли вниз, на раскрытую перед ним тетрадь, – я не испытала ничего, кроме отвращения.

Эмоции, решила я, вроде бы натуральные – а вот объяснение показалось мне вынужденным, отрепетированным. Слово он действовал по сценарию, играя роль исповедующегося в грехах серийного убийцы. Он ищет сочувствия, поняла я. Дескать, виноват кто угодно, только не он сам. Жалеет не о том, что совершил, а лишь о том, что попался. А оттого, что он обвинял в своих поступках вымышленное существо – какого-то дьявола, который прятался по углам и заставлял его их душить, – меня всю невыразимой яростью пронзило. Помню, я так сжала кулаки, что ногтями ладони до крови изрезала.

– Трус засранный, – выругалась я. Купер вытаращил на меня глаза, пораженный моими словами, моим гневом.

Больше я своего отца не видела. Последним было лицо в телевизоре, описывающее невидимого монстра, что заставил его задушить девочек и спрятать тела в лесу на задворках нашего обширного участка. Он сдержал обещание показать полицейским, где именно. Помню, как громко хлопнула дверь фургона, но я даже к окну не стала подходить, чтобы взглянуть, как он ведет детективов к деревьям. Какие-то следы им найти удалось – волосы, обрывки одежды, – но тел не было. Видимо, какое-то животное их опередило – аллигатор, или койот, или еще какой-нибудь изголодавшийся болотный хищник. Но я знала, что все это правда, потому что однажды ночью своими глазами видела его – бредущую со стороны деревьев темную фигуру, перемазанную грязью. С лопатой на плече он ковылял к дому, не подозревая, что я вижу его из окна спальни. От самой мысли, что он закопал в ту ночь труп, а потом вернулся домой, чтобы поцеловать меня перед сном, мне захотелось вылезти из собственной кожи и сбежать из дома. Как можно дальше.

...Я вздыхаю, конечности от «Ативана» чуть покалывает. Выключив в тот день телевизор, я решила для себя, что мой отец мертв. Разумеется, на самом деле это не так. Признание вины его спасло. Он отбывает шесть последовательных пожизненных заключений в государственной

тюрьме Луизианы без права на помилование. Но для меня он мертв. Мне так лучше. Вот только мне отчего-то все сложнее и сложнее верить в собственную ложь. Все сложнее и сложнее забыть. Возможно, дело в свадьбе, в мысли, что он не сможет вести меня за руку под венец. Или в годовщине – *двадцать лет* – и Аароне Дженсене, заставляющем меня вспомнить про жуткий юбилей, с которым я не желаю иметь ничего общего.

Или в Обри Гравино. Еще в одной пятнадцатилетней девочке, чья жизнь оборвалась слишком рано.

Я кидаю взгляд на стол, и он останавливается на ноутбуке. Я открываю его, экран пробуждается; я вызываю браузер, пальцы застывают над клавиатурой. Потом начинаю печатать.

Сперва я вбиваю в «Гугл» *Аарон Дженсен, «Нью-Йорк таймс»*. Экран заполняется страницами из газетных статей. Я открываю одну, перескакиваю к следующей. Потом к еще одной. Теперь мне ясно, что журналист зарабатывает на хлеб, описывая убийства и прочие чужие несчастья. Обезглавленное тело в кустах в Центральном парке Нью-Йорка, многочисленные женщины, пропавшие на канадском шоссе, прозванном впоследствии Дорогой слез. Я кликаю на его биографию. Снимок маленький, круглый, черно-белый. Дженсен из тех людей, чье лицо не соответствует голосу, словно его пришили к телу второпях и ошиблись при этом на пару размеров. Голос глубокий и мужественный, но не лицо. Дженсен худ, на вид тридцати с чем-то лет, на нем очки в коричневой черепаховой оправе, причем не похоже, чтобы он нуждался в услугах окулиста. Есть такие очки с голубыми светофильтрами – специально для тех, кто мечтает обзавестись очками.

Первый звоночек.

На нем облегающая рубашка в клеточку, рукава закатаны по локоть, а поверх тощей груди болтается узкий вязаный галстук.

Второй звоночек.

Я проглядываю статью в поисках третьего. Последней причины, чтобы определить Аарона Дженсена как очередного ублюдка-журналиста, рассчитывающего поживиться на нашей семье, и выкинуть его из головы. У меня уже не первый раз просят подобное интервью, далеко не первый. Мне знакомо это *хотелось бы выслушать, как все видится с вашей стороны*. И я ведь верила. Я позволяла им войти. Рассказывала, как оно мне видится, чтобы несколько дней спустя раскрыть газету и в ужасе обнаружить, как в ней мою семью расписывают чуть ли не отцовскими сообщниками. Как маму обвиняют в интрижках, всплывших в ходе расследования; дескать, она изменяла отцу, а он оттого ощущал *эмоциональную неустойчивость*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.